ЛАРИСА ПЕТРОВИЧЕВА

ХОЗЯЙКА ЗЕЛЬЕВАРНОЙ ЛАВКИ

Лариса Петровичева

Хозяйка зельеварной лавки

«Автор»
2026

Петровичева Л. К.

Хозяйка зельеварной лавки / Л. К. Петровичева — «Автор», 2026

Леди не положено работать, но я мечтаю стать настоящим зельеваром. Вот только меня хотят выдать замуж за самодовольного болвана и запереть в доме! Но если я превращу развалюху на окраине города в процветающую лавку, то смогу избежать навязанного замужества. Помощь приходит от таинственного джинна, которого я случайно освобождаю. Смогу ли я довериться тому, чья магия старше самого времени, стать лучшим зельеваром города и не влюбиться?

© Петровичева Л. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 30
Глава 7 35
Глава 8 40
Г 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Лариса Петровичева
Хозяйка зельеварной лавки

Глава 1

– Дорогая моя Эмилия! Ну вы же знаете, как говорят: “Женщина-зельевар это не зельевар!”

Герберта Уочестера прочили мне в женихи, и он был воплощением чванливой и тщательно взращенной важности. В свои двадцать два он обладал той холеной, почти девичьей красотой, которую так ценили в свете. Его одежда – узкий сюртук из тончайшей шерсти, белоснежная сорочка и галстук, завязанный сложным узлом, – сидела безупречно, подчеркивая стройную, но несколько субтильную фигуру.

Да, он был завидным женихом, вот только не для меня.

И Герберт этого не понимал. Моя строптивость забавляла и раззадоривала его, и он регулярно предпринимал попытки поставить меня на место. Сейчас он стоял у камина, положив на мраморную полку изящную кисть с безукоризненно подпиленными ногтями, и смотрел на меня заинтересованным взглядом коллекционера, который рассматривает необычную бабочку.

Это выражение вызывало у меня желание швырнуть в него одну из фарфоровых овечек, безмятежно пасущихся на полке рядом. Как жаль, что они были фамильной ценностью.

Я прижала к груди “Расширенный справочник по огненным элементам”, словно книга была моим щитом, и ответила:

– Знаю также, что говорят “Мужчина-зельевар это не мужчина”!

Мягко говоря, мой ответ не понравился. Герберт сразу же покраснел и сжал губы в нить – некоторое время назад он, как и вся светская молодежь, которая не знает настоящего труда, играл в алхимика. Его попытка получить философский камень закончилась небольшим пожаром в лаборатории и насмешками, и моя шутка ударила по больному.

Получи, самодовольный павлин!

Отец Герберта, господин Хьюго Уочестер, устало прикрыл глаза. Густые усы не могли скрыть привычную усмешку легкого презрения ко всему, что выходило за рамки его понимания.

Например, он, как и мой отец, не понимал желания женщины постичь науку зельеварения и работать зельеваром. Курсы, которые я прошла, получив сертификат помощника зельевара, казались ему курьезом. Какой-то почти неприличной забавой.

– Я всегда говорил, Джон, что образование вредит женщинам, – сказал господин Хьюго, обернувшись к моему отцу, и нравоучительно добавил: – От книг может случиться отек мозга!

– У великой Гипасии Коринской не было отека, – съязвила я. – Наоборот, античные философы признали ее первенство.

Отец сокрушенно покачал головой, словно хотел сказать: “Дочка, ты так никогда не выйдешь замуж”.

Он любил меня, я знала, но его любовь тонула в океане страха перед мнением света и риском потерять репутацию и деловые связи.

– Согласитесь, со времен античности медицина и наука шагнули далеко вперед, – парировал господин Хьюго с терпеливой улыбкой взрослого, объясняющего ребенку, почему нельзя есть мел. – Теперь нам известно о человеке намного больше, чем им.

– Не вы ли говорили, что женщина не человек? – осведомилась я с милой улыбкой. – А лишь приложение к мужчине и его украшение?

– Эмилия, перестань немедленно.

Когда отец говорил таким тоном, обозначая границы дозволенного для леди, я чувствовала себя маленькой девочкой, которая никогда не сможет вырваться из золотой клетки привычного мира.

Это была прекрасная клетка с изысканной обстановкой и всеми удобствами. Но Боже мой, как же в ней было душно!

– И в чем же я был неправ? – спросил господин Хьюго, разводя руками. Его перстень с темным камнем блеснул в свете лампы. – Впрочем, это лишь разговоры, а мы, деловые люди, привыкли все проверять на практике. К тому же, юные леди не любят слушать болтовню стариков.

И какой черт дернул меня пойти за книгой именно сейчас? Я знала, что Уочестеры приезжают, но думала, что успею спуститься в библиотеку, взять справочник и мышкой скользнуть обратно в свою комнату.

Мне срочно нужна была одна формула! Всего одна! И я вышла из библиотеки как раз в тот момент, когда отец и гости рассаживались в кресла, застигнутая врасплох, как провинившийся школьник с рогаткой в руках и разбитым окном за спиной.

– Кажется, друг мой, у вас есть какой-то план? – с улыбкой поинтересовался отец. Господин Хьюго кивнул.

– Видите ли, неутоленные желания самые сильные. Разве сможет девушка стать достойной женой, когда в голове у нее, скажем так, наивные мысли? Значит, надо дать ей увидеть всю их наивность, тогда она с легкостью от них откажется и сделает разумные выводы.

Я насторожилась. Это звучало слишком неожиданно. Так, словно господин Хьюго не насмешничал и не издевался – хотя он наверняка готовил какую-то тонкую издевку.

– Что же вы предлагаете? – спросил отец.

– Недавно по случаю я приобрел заброшенную антикварную лавку на Пикколи-стрит, – ответил господин Хьюго. – Лавка заколочена, в ней полный беспорядок, но я готов привести ее в приличный вид и передать юной Эмилии… ну скажем так, в качестве подарка на именины. И если она сможет создать там успешную лавку зельевара, респектабельную, со стабильным доходом, то мы признаем свое поражение и выплатим ей пять тысяч фунтов.

На мгновение я услышала перезвон праздничных колокольчиков. У меня будет зельеварная лавка и лаборатория! Я смогу работать! Смогу делом доказать, на что способна! А пять тысяч фунтов эта та сумма, с которой можно позволить полностью самостоятельную жизнь!

Впрочем, перезвон сразу же угас. Такие, как Уочестеры, ничего не делают просто так. Меня явно хотели загнать в ловушку.

– А если у меня не получится? – спросила я. Господин Хьюго улыбнулся.

– Тогда вы без всяких отговорок выйдете замуж за моего сына и будете ему достойной женой.

Я торжествующе улыбнулась, глядя в самодовольные глаза Герберта и мысленно уже спеша к лавке.

– Что ж, Герберт, вы уже можете подбирать себе новую невесту!

***

Но мое бодрое настроение улетучилось сразу же, когда я приехала на Пикколи-стрит и увидела место, которое мне предстояло сделать самой респектабельной лавкой зельевара.

Бывший антикварный магазинчик размещался в двухэтажном домишке, который выглядел так, словно боялся, что его унесет порывом ветра. Он стоял, прижавшись бочком к такому же древнему соседу, будто ища у него поддержки. Краска стен, некогда бывшая, наверное, изумрудной, теперь имела цвет болотной плесени, не скрывая старую древесину, изъеденную мелкими червоточинами. Окна смотрели на прохожих подслеповатыми запыленными стеклами, а на покатой черепичной крыше возилась стайка растрепанных воробьев. Покосившаяся

дверь была закрыта на ржавый замок – когда я отпирала его ключом, полученным от господина Хьюго, дужка отломилась и замок рухнул на ступеньки, едва не отбив мне ногу.

Я решила не отчаиваться вот так сразу – тем более, отчаяние однозначно приведет меня к неудаче и браку с Гербертом. Посмотрим! Может, внутри не все так страшно?

Потянув на себя дверь, я вошла в лавку и сразу же чихнула – пыль все покрывала серым саваном. Из лавки вывезли почти всю мебель, и на дощатом полу остались следы от стоящих здесь шкафов с чудесами и диковинками. Осталась большая стойка продавца и шкаф с широкими полками за ней. На них можно будет расставить самый ходовой товар вроде капель курнского змея от простуды.

Надо только отмыть здесь все и покрасить не в зеленый, а в какой-нибудь нежно-золотистый цвет. В лавке сразу же станет уютнее и светлее.

Некоторое время я растерянно озиралась по сторонам, не зная, за что схватиться первым. Потом принялась подсчитывать, что понадобится: уборка, это во-первых. Нужно вымести эти лохмотья пыли и паруса паутины. Потом потребуется плотник, чтобы починил дверь и ступени лестницы, ведущей на второй этаж – я посмотрела на нее и поежилась, представив, как буду подниматься. Потом надо будет сделать нормальные окна взамен этих крохотных гляделок, через которые и света божьего не видно. И, разумеется, заказать шкафы, в которых будет товар.

Одним словом, работы непочатый край. Хорошо, что наше пари не ограничивало меня во времени. Да и деньги господин Хьюго тоже выделил для чистоты эксперимента.

– Жаль будет, если он завершится, даже не начавшись, – с усмешкой произнес он, вручив мне чек на расходы. – И мне не хочется подвергать моего доброго друга, вашего отца, излишним тратам, он и так уже потратился на ваше образование.

Я подхватила подол платья и осторожно начала подниматься на второй этаж. Там была одна-единственная комната с маленьким окошком, и я решила, что прежний владелец использовал это место как склад.

А я устрою тут и склад, и лабораторию. Кстати, на первом этаже надо будет поставить еще одну стойку – за ней я буду смешивать простые, но эффектные эликсиры. Людям нравится смотреть, как чудеса творятся прямо на их глазах.

И полы тоже надо будет поменять. Доски скрипели под ногами так, что слышно было по всему району. Пикколи-стрит была угрюмой и сонной улочкой, погруженной в вечную тень и сырость, и я снова поежилась, представив, как буду ездить сюда из отцовского особняка в приличном районе.

Но это было возможностью новой жизни, совсем другой жизни, и я не собиралась ее упускать.

Итак, сначала вызвать сюда проворную и сноровистую девушку для уборки. Мэри-Джейн, одна из наших служанок, подойдет. Добавлю ей десять крон за сложность.

Когда все здесь отмоется и отчистится, дом станет совсем другим. А там уже можно будет думать о ремонте и закупке мебели. Я мысленно принялась перелистывать каталог Заубера, который оснащал все зельеварные лаборатории – сколько же всего понадобится купить…

Две рабочие стойки на первый этаж с мраморными столешницами. Шкафы для демонстрации готовых зелий и большой холодильный ларец. Набор инструментов для фасования и простых операций – мензурки и колбы, воронки, весы, мерные ложки и лопаточки…

Одним словом, проще прийти в контору Заубера, взять его каталог и сказать: “Отгрузите все”.

Я вздохнула – дело выходило сложным. С другой стороны, ощипать перья заносчивым Уочестерам, показать себя и начать новую жизнь – да, это стоило всех трудностей и забот.

Осторожно, стараясь не наступать на самые подозрительные доски, я прошла к окну. Отсюда открывался вид на маленькую площадь и давно заброшенный фонтан – на металли-

ческом шпиле красовался ржавый купидон с трубой в руках, и когда-то вокруг него кружили струи воды.

Вот бы отремонтировать все это, чтобы купидон показывал прямо на мою лавку!

Хорошая идея, обязательно воплощу ее в жизнь, когда добьюсь стабильных доходов.

Я отошла в сторону и увидела большую картонную коробку. Должно быть, ее забыли, когда вывозили из лавки вещи прежнего владельца.

Что ж, раз лавка принадлежит мне, то и коробка тоже.

Я склонилась над ней и подняла запыленную крышку. Вот было бы здорово найти здесь альбом с редкими монетами, перстень раджи с тусклым рубином или какую-нибудь диковинку из колоний!

Но в коробке были только грязные тряпки. Я сняла с поясной цепочки складную аналитическую палочку, распрямила ее и поворошила тряпье.

Палочка наткнулась на что-то твердое. Все еще воодушевленная возможностью найти что-то интересное, я оттеснила тряпки в сторону и увидела…

Ох, это всего лишь старая курильница. Кто же поленился донести ее до мусорного ящика?

Курильница должна была наполнять комнату ароматическими парами. Снимешь бронзовую крышечку с полустертым рисунком, зальешь внутрь зелье и поставишь в выемку маленькую круглую свечу – она будет гореть, нагревая зелье, и из погнутого носика пойдет ароматный пар.

Незавидная находка. Я потерла бок курильницы кончиком пальца – рисунок был похож на переплетение рун. Возможно, это было имя прежнего владельца…

Пол вдруг качнулся под ногами. Я успела выпрямиться, и курильница выпала из моих рук и покатилась по полу. Из носика повалил густой сиреневый дым, комнату наполнило сбивающим с ног запахом тунского асфоделя, и я потеряла сознание.

***

– Мавлати! Вы слышите меня?

Запах асфоделя все еще плавал в носу, но сознание возвращалось. Я чувствовала, что лежу на полу и довольно сильно ударилась при падении. И рядом со мной кто-то был: от него довольно густо пахло сандалом и почему-то ландышами.

– Мавлати!

Голос был бархатистый, с легкой хрипотцой, будто от давней простуды или долгого молчания.

– Мавлати! Да что ж такое…

Я не одна в доме – окончательно поняв это, я шарахнулась в сторону, поднимаясь на ноги и направив на незнакомца свое единственное оружие, аналитическую палочку. Наивный способ защититься, если это какой-нибудь бродяга, который решил ограбить меня или убить, но другого оружия у меня не было.

– Руки прочь! – воскликнула я. Незнакомец тотчас же сделал шаг назад и поклонился, прижав руку к груди.

– Повинуюсь, мавлати.

Некоторое время я стояла молча, не опуская палочку и рассматривая незваного гостя.

Лет ему можно было дать и двадцать, и сорок – все зависело от того, как ложились тени. Лицо было бледным, почти алебастровым, но не болезненно, а благородно, как у мраморной статуи в заброшенной усадьбе. Скулы острые, словно высеченные резцом, глаза цвета выгоревшей осенней листвы казались невероятно старыми – в них плавали искорки меланхолии и какого-то глубокого древнего знания, которое тяготило своего владельца.

Незнакомец был одет с безупречной, но старомодной элегантностью. Его сюртук из темно-зеленого сукна был безукоризненно скроен. Белоснежная рубашка, кружевной платок в

кармане и кольцо из тусклого серебра в виде спящей совы – все говорило о человеке из хорошего общества, вот только этого общества уже не существовало.

– Кто вы такой? – холодно спросила я, бросив быстрый взгляд в сторону лестницы. Вот ведь незадача – незнакомец стоял так, что полностью закрывал подход к ней.

Он прижал руку к груди, церемонно поклонился и ответил:

– Несколько тысяч лет назад люди в стране песков и золота звали меня Касим ибн Самуль аль-Хикма Асфар. Но вы, мавлати, можете называть меня Кассиус Голд. Так вам будет намного привычнее.

Я растерянно смотрела на него, не в силах собраться с мыслями.

– Откуда вы здесь?

– Это очень долгая история, – с достоинством ответил Кассиус, и золото его глаз потемнело. – Когда-то я, огненный джинн, враждовал с великим Сулейманом ибн Даудом, мир ему, потерпел поражение, и он сделал меня пленником этой лампы. Но вы, мавлати, в правильном порядке дотронулись до знаков скрепляющего слова, сняли заклинание, и вот я здесь, ваш верный слуга до конца дней.

Все дело в запахе тунского асфоделя. В курильнице скопились пары, я вдохнула их и теперь брежу. Потому что этого незнакомца, который называет себя огненным джинном, можно объяснить только бредом!

– Вы не бредите, мавлати, – с легким кивком заметил Кассиус и едва уловимо улыбнулся. – Но позвольте спросить, что вы делаете в таком странном месте одна?

Я наконец-то опустила руку. Кассиус выглядел джентльменом, а значит, он не причинит вреда леди. Во всяком случае, мне хотелось в это верить.

Но джинн из курильницы! Никто не поверит, если я расскажу об этом! Хотя я, разумеется, никому не буду рассказывать. Не хватало еще, чтобы меня сочли умалишенной.

– Я хочу устроить в этом здании зельеварную лавку, – сдержанно ответила я. – Здесь нужно все убрать, отремонтировать… и раз уж вы джинн, то сможете превратить этот дом во что-то приличное?

Кассиус двинулся по комнате, задумчиво потирая подбородок и глядя по сторонам. Потоптался на одной из досок, постучал по подоконнику – потом прошел к лестнице и легонько тряхнул перила.

Кусок деревянной накладки поручня тотчас же оказался у него в руке и я не сдержалась и хихикнула.

– Смогу, мавлати, – ответил Кассиус. – Но мне понадобятся инструменты и доски. Где здесь ближайшая лавка для ремонта и стройки?

Глава 2

– А почему вы называете меня мавлати?

– Так обращались к благородным девицам в стране песков и золота, – ответил Кассиус. – Но если вам это не нравится, я буду говорить иначе.

– Лучше миледи, – сказала я. – Привычнее.

Кассиус неопределенно пожал плечами.

– По-моему, одно и то же. Но на все ваша воля.

Когда мы спустились на первый этаж, и джинн принялся ходить возле стойки, угрюмо покачивая головой и оценивая фронт работ, я спросила:

– А разве вы не можете хлопнуть в ладоши и построить дворец?

Кассиус обернулся, посмотрел на меня, как на несмышленого ребенка, и я поспешила добавить:

– В сказках так.

– Я огненный дух, – с достоинством произнес Кассиус. – Могу сжечь весь этот город.

Возле его губ появился рыжий язычок огня, и я тотчас же воскликнула:

– Нет! Ни в коем случае.

Огонь исчез. Кассиус постучал по боковине шкафа, довольно кивнул.

– Но сжечь не равно создать. Я дух разрушения, миледи. Поэтому созидать мне придется обычными человеческими методами. Послушайте, может, проще спалить эту развалюху и построить на ее месте новый дом?

– Боюсь, настоящий хозяин будет против, – вздохнула я. – Мне, по большому счету, просто дали здесь поиграть.

Кассиус вопросительно поднял бровь. Прошел к окну, открыл форточку, и створка осталась у него в руках, а стекло вылетело на улицу.

– Что это значит, миледи?

Я рассказала джинну о пари с Уочестерами. Кассиус пожал плечами.

– Откровенно говоря, ваш будущий тесть прав, – сказал джинн. – Дева из достойного семейства должна хранить домашний очаг.

– И вы туда же! – воскликнула я. – Послушайте, если мне придется и вам доказывать, что я могу…

– Но зачем вам это? – с искренним удивлением спросил Кассиус. – Вонь зелий, бурление котлов, брань зельеваров… Вы изысканная барышня, вам бы больше подошло другое.

– Что, например? – с вызовом осведомилась я, скрестив руки на груди.

Кассиус окончательно доломал окно, и в лавку ворвался свежий весенний ветер.

– Например, вышивание, – ответил джинн. – Или живопись. Или можно написать книгу.

Я со стоном завела глаза к потолку. Вышивание и живопись! То, о чем твердили тетушки и нянюшки, то, что считалось единственно возможным и достойным!

– Мужчины взяли и присвоили самое интересное и важное, – ответила я. – Кому нужна вышивка, когда я умею создавать зелья? Лечить людей, помогать животным, ускорять рост растений! Я могу быть полезной и нужной, но вместо этого меня сажают в сундук домашних условностей!

Кассиус вынул из кармана клочок бумаги и карандаш и принялся что-то записывать, нахмурившись и неразборчиво подсчитывая пункты в своем списке.

– Что же вы будете делать, если победите? – спросил он и пробормотал: – Отвес, уровень, долото… так, крепежи, пчелиный воск…

– Буду и дальше работать в лавке. Приносить пользу людям, – ответила я. Кассиус снова вопросительно поднял бровь.

– И не выйдете замуж?

– За такого напыщенного болвана, как Герберт? Точно нет, – с достоинством сказала я и решила перевести разговор на другое. – Как там ваши подсчеты?

Кассиус задумчиво постучал карандашом по листку.

– Минимум тысяча дирхамов… Как называются ваши деньги?

– Кроны, – вздохнула я. – Дирхамы как-то не в ходу.

Кассиус понимающе качнул головой.

– Но золото в ходу, – улыбнулся он и провел пальцами над пыльным полом. Над рукой джинна сгустились сверкающие искры, набухли тяжелые капли и сорвались на пол. По доскам весело застучал сияющий дождь, и я увидела не меньше двух дюжин полновесных золотых крон с портретом короля Георга.

Кассиус довольно улыбнулся.

– Это один из сокрытых кладов Сулеймана ибн Дауда, мир ему, – сообщил джинн. – Я немного подправил монеты на здешний манер. Этого, пожалуй, хватит для всех моих покупок.

Я нахмурилась, торопливо обдумывая увиденное. Если джинн с такой легкостью достает золото, то может, стоит купить собственную лавку? В нормальном состоянии, в хорошем районе?

Но нет, это обязательно вызовет вопросы. Где я взяла деньги, почему решила отказаться от щедрого подарка господина Хьюго… Да и джинна лучше бы не показывать. Отец обязательно возмутится: как это так, незамужняя девушка рядом с мужчиной!

С другой стороны, не самой же мне чинить перила и вставлять новые рамы? Скажу, что наняла работника.

– Хорошо, – кивнула я. – Когда вы сможете начать?

– Когда все закуплю и доставлю сюда, – ответил Кассиус. – Но сразу говорю, это не быстрое дело, миледи. Неделя уйдет на укрепление фундамента. Потом займусь стенами, настелю новые полы, да и лестница эта мне не нравится. Пара недель уйдет точно. Крыша, окна, двери, отделка, – он принялся загибать пальцы, – это тоже пара недель.

Хорошо, что господин Хьюго никак не ограничил меня по времени. Очень хорошо.

– Я тогда займусь заказом оборудования, – сказала я. – На его доставку уйдет не меньше месяца. Плюс ингредиенты для зелий и сами зелья…

– Не знаю, не знаю, – пожал плечами Кассиус. – В этом месте получился бы прекрасный магазинчик тканей.

– Более достойно для юной леди? – съязвила я. Кассиус качнул головой без тени улыбки.

– Более чем. Что ж, за дело!

***

На следующий день я пришла в лавку, неся с собой ведра, тряпки и щетки. Уборку предстояло делать самой – отец категорически запретил мне прибегать к услугам Мэри-Джейн.

– Нет! Хьюго сказал четко: все, что леди сможет сделать сама, она будет делать сама, – заявил он и добавил с искренней горечью: – Эмилия, тебе это не надоело? Сколько можно строптивиться и капризничать?

Отец любил меня, и я это знала, но он меня не понимал. Он ценил свою репутацию джентльмена выше, чем мои желания.

– Вот увидишь, я смогу выиграть пари, – заверила я и добавила: – Ну и Герберт давно заслужил хороший щелчок по носу.

– Герберт прекрасный молодой человек! – воскликнул отец, все еще стараясь меня переубедить. – Ваш союз стал бы истинным украшением Тонбурга!

– Прости, но меньше всего я хочу тешить своей жизнью чужие взгляды, – ответила я, стараясь говорить с искренним теплом, и отправилась за щетками и тряпками.

Чистящие средства я решила сделать прямо на месте: заодно покажу Кассиусу свои таланты зельевара. Но лавка была закрыта, джинна не было, и, пройдя к стойке, я подумала: вдруг он мне привиделся? И окно просто выставили какие-нибудь местные хулиганы…

Чтобы создать зелье, которое уберет пыль и придаст мебели блеск, нужно соединить порошок хотце-хутце из тропического дерева дунгвар со слезами эльфов, особой вытяжкой. Я взяла ведро, отправила в него порошок, добавила три большие меры воды и аккуратно отсчитала несколько прозрачных капель.

Теперь самое главное – отойти подальше.

Слезы эльфов вступили в реакцию с хотце-хутце и ведро наполнилось густой розовой пеной. В лавке запахло аптекой, и я довольно улыбнулась.

Это был запах правил, чистоты и порядка. Теперь можно приниматься за дело.

Я взяла веник и стала сметать пыль из углов к центру комнаты. Уберу всю эту дрянь, и дом задышит и оживет! Пыль плыла серыми клоками, и вскоре мне стало казаться, что меня окружило целое полчище мышей.

На подметание первого этажа ушел почти час. Руки ныли от непривычной работы, спина болела, и я искренне пожалела Мэри-Джейн и остальных девушек, которые вынуждены были заниматься этим каждый божий день. Есть ли, интересно, зелье, способное облегчить их труд? Например, состав, которым можно обработать полы так, что пыль будет исчезать, едва опустится на половицу?

Наконец, я вымела всю пыль из лавки, вышла на улицу и почти без сил привалилась к дверному косяку. Герберт и его папаша должны быть где-то рядом и с хихиканьем смотреть за тем, как я тут надрываюсь. Если не узнаешь деталей, то будет не так интересно, правда? А им явно хотелось быть в курсе того, с каким лицом я выметаю пыль и намываю оконные стекла…

– О! Какая милая служаночка!

Я устало покосилась в сторону и увидела двух молодых людей чуть старше Герберта. Они искренне старались выглядеть джентльменами, но получалось у них плохо. Благородный и достойный человек никогда не будет смотреть на барышню такими сальными глазками.

Впрочем, все дело в том, что сейчас они не видят барышню. Отправляясь на уборку, я надела самое простое платье, и сейчас, вспотевшая и вымотанная, ничем не напоминала девушку из приличной семьи.

– Что, девица, тут снова открывается лавка? – поинтересовался один из незнакомцев, долговязый и широкоротый. Светлые волосы были так обильно покрыты помадой для укладки, что она едва не капала на плечи щегольского сюртука.

– Скорее, бордель, – заметил второй. – Над дверью повесят фонарик с зелеными стеклами. Что ты там будешь делать, подавать напитки или ублажать гостей?

Я смерила наглецов тем взглядом, который способен был испепелить и уж точно никогда бы не появился у служанки. Молодые люди даже сделали шаг назад – крохотный такой шажок.

– Вы говорите с леди, – холодно сообщила я, и незнакомцы смерили меня оценивающими взглядами и дружно расхохотались.

– Скорее, с б… – воскликнул долговязый и тотчас же охнул и заскулил.

Кассиус бесшумно подошел к ним сзади, схватил долговязого за загривок и крутанул так, что у парня брызнули слезы из глаз. Второй благоразумно отступил в сторонку и старательно принялся делать вид, что он тут вообще не при чем.

– Вы говорите с леди, – повторил джинн и усилил захват, вынуждая наглеца опуститься на колени. – А теперь повторяйте за мной: простите меня, недостойного червя, порождение гнили и шакала… Повторяйте!

Второй молодой человек тоже рухнул на колени и воззрился на меня с нескрываемым ужасом. Я заметила, что из хлебной лавки по другую сторону фонтана вышел булочник, любуясь зрелищем.

– Простите меня… – заскулил долговязый, и Кассиус пнул его коленом, напоминая текст:

– Недостойного червя, порождение гнили и шакала…

– Недостойного червя, порождение гнили и шакала! – дружно проскулили нахалы. Кассиус покосился на меня – довольна ли я? – я кивнула, и он придал незнакомцам легкое ускорение пинком.

Через несколько мгновений и духу их не было на Пикколи-стрит.

– Лихо же вы с ними расправились, – одобрительно произнесла я и поежилась: – Откровенно говоря, все это было неожиданно.

– Чего ж вы ожидали в таком платье и с веником в руках? – нахмурился Кассиус и потянул меня в лавку. Закрыв за нами дверь, он мрачно произнес: – Вы были очень неосторожны, миледи. Боюсь, эти подлецы быстро перешли бы от оскорблений к делу.

Я поняла, какое дело он имел в виду, и по спине пробежал неприятный холодок. Кассиус смотрел с нескрываемой тревогой, словно вся эта ситуация взволновала его до глубины души, и он искренне переживал за меня.

От этого мне сделалось не по себе. Отец волновался за меня – и никто, кроме него. Это было неожиданно и необычно, это смущало.

– Спасибо, что заступились, – сказала я.

– Вы дали мне свободу, как бы я мог поступить иначе? – ответил Кассиус вопросом на вопрос и покосился в сторону ведра. – Что это такое?

– Чистящее средство, – ответила я. – Сейчас буду мыть полы. Уборку на втором этаже оставлю до завтра, сегодня у меня не хватит сил.

– Не выдумывайте, – Кассиус указал куда-то за стойку, и я увидела новенький деревянный стул. – Присядьте лучше вон там, я все сделаю.

Я подошла к стулу и увидела на нем наклейку магазина “Робин и сыновья” – там продавали недорогую мебель, и отец всегда жалел бедолаг, вынужденных закупаться там. Он говорил, что стулья Робина и десяти лет не протянут.

Но стул казался надежным и основательным. Я села, вытянула ноги и сказала:

– Как же я устала…

– Неудивительно! – откликнулся Кассиус. Смочив тряпку, он обернул ею швабру и принялся мыть пол. – Недурная, кстати, вещь, это средство. Хорошо отмывает!

– Мое изобретение, – ответила я. – Решила заменить порошок Буллеварда на слезы эльфов, и вот!

Кассиус покачал головой, и в его взгляде мелькнуло какое-то неожиданное выражение, которого я не поняла.

***

После трудов праведных мне хотелось лечь на кровать в своей комнате и не подниматься пару дней. Тело ныло, спину простреливало, а на руках, непривычных к венику, появились мозоли. Но притащился Герберт, который хотел побеседовать со мной о чем-то важном, и отец сказал, что я не имею права остаться в комнате.

Пришлось припудрить щеки и спуститься в гостиную.

Герберт так и лучился самодовольством. Я представила роскошный павлиний хвост, раскрывшийся за его спиной, и с трудом сдержала усмешку. Ничего, скоро он перестанет ухмыляться – моя лавка откроется, и я выиграю пари.

– Дорогая Эмилия! – воскликнул он. – Вижу, вы энергично взялись за дело! Пыль в лавке стоит столбом!

Подсматривал, я так и думала. Я опустилась в кресло, вздохнула и ответила:

– Мне не терпится выиграть, Герберт. И не хочется становиться вашей женой.

Моя прямота его только раззадоривала. Герберт скользнул хозяйским взглядом по гостиной и, развалившись на диване, ответил:

– Честно говоря, я не ожидал, что вы сами будете делать уборку. Махать веником! Что на это скажет свет?

Я улыбнулась так ослепительно, как только смогла.

– Что я чудачка, разумеется. Об этом говорят с тех пор, как я пошла учиться. И что вы подглядываете за мной.

Герберт прикрыл глаза, пропуская шпильку.

– А как иначе? Пикколи-стрит не самое подходящее место для юной леди. Кстати, кто этот молодчик, который так лихо обошелся с братьями Стерлинг?

Вот как. Эти наглецы братья, и Герберт их знает. Возможно, он и подговорил их появиться возле моей лавки.

Потому что я должна проиграть – и Герберт готов на все ради этого. Интересно, как далеко зашли бы братья Стерлинг, если б не появление Кассиуса?

– А вы их знаете? – уточнила я с невинным видом. – Может, вы и попросили их отираться возле лавки?

Я думала, что Герберт будет все отрицать, но он лишь утвердительно качнул головой.

– Да, они должны мне услугу, и я попросил их приглядывать за вами. Не их вина, что в тот момент леди выглядела, словно служанка. Так что это за громила поставил их на колени?

Его слова должны были смутить меня и оскорбить. Когда барышню путают со служанкой, это, мягко говоря, стыд для барышни. Но я лишь улыбнулась.

– Наемный рабочий, он будет ремонтировать здание. Неужели вы думали, что я сама буду менять полы и стеклить окна?

Герберт сощурился, и его взгляд сделался холодным и неприятным.

– Наемный рабочий? Как странно! Ему ведь нужно платить, а я не видел никаких передвижений по счету, – в голосе Герберта разлился ядовитый мед.

– У нас с вами по счастью раздельные счета, если вы забыли об этом, – ответила я ледяным тоном. – К чему эти вопросы, Герберт? Ищете способ как-то скомпрометировать меня и отменить пари?

Я давно поняла, чего он хочет. Если моя репутация рухнет – а она обязательно рухнет, раз рядом со мной какой-то подозрительный мужчина – то Герберт возьмет меня в жены и будет относиться, как к бесправной рабыне. Я стану его вещью и игрушкой – и должна буду благодарить всю жизнь за то, что он прикрыл мой позор.

Тогда и приданого можно потребовать намного больше, чем готов выделить отец.

Но Герберт быстро взял себя в руки. Улыбнулся и ответил:

– Всего лишь хочу, чтобы вы были в полной безопасности, Эмилия. И обязательно зайду завтра, побеседую с этим вашим ассистентом.

В его голосе я услышала угрозу. Знал бы Герберт, кто такой Кассиус на самом деле, и близко к нему не подошел бы.

– Замечательно! – сказала я с преувеличенной радостью. – Приходите к десяти, поедем вместе.

Глава 3

Разумеется, Герберт притащился ровно в десять. И уставился на меня с забавным изумлением – я вышла в гостиную в очередном простеньком платье и с ведром в руках.

– Вы уже здесь, прекрасно! – с преувеличенной энергией воскликнула я. – Возьмите, как раз поможете мне.

И протянула ему щетки – Герберт шарахнулся от них, как будто они были заразными.

– Помилуйте, Эмилия! Это работа прислуги!

– Ну, прислуги у меня нет, – улыбнулась я, – так что и вы сгодитесь. Джентльмен должен помогать леди, не правда ли? Особенно, если хочет на ней жениться.

Герберт покраснел, потом побледнел, но щетки все же взял.

Мы приехали на Пикколи-стрит, когда там вовсю кипела работа. Привезли множество досок и бревен, и Кассиус энергично взялся за дело. Стук молотка летел по всей улице, пахло свежей стружкой, и здание лавки словно взбодрилось, стряхнув с себя сонное оцепенение. Покосившиеся ставни были сняты, и на их месте в проемах уже красовались новые рамы из темного дуба.

В груди разливалось гордое тепло – передо мной была не магия, а нечто более осязаемое и человеческое: дело, начатое мной и растущее на глазах. Это чувство было куда слаще любого волшебства, и я ловила себя на мысли, что с нетерпением жду каждого нового дня здесь, чтобы видеть, как мой дом обретает форму и силу.

Кассиус, облаченный в белоснежную рубашку с завернутыми рукавами, вышел из лавки, небрежно поигрывая чем-то вроде причудливого молотка. Увидев Герберта, который с жалкой миной вытаскивал из экипажа щетки, джинн обменялся со мной понимающим взглядом и сказал:

– Хорошая новость: нижние венцы не сгнили! Не придется вырубать прогнившие бревна!

– Слава небесам, – искренне вырвалось у меня. – Значит, фундамент крепок?

– Крепок, как скала, – кивнул Кассиус. – Я укрепил его по углам новым бутом на известковом растворе. Теперь ему и столетний ураган нипочем.

– Вот, это работник, о котором вы так беспокоились, Герберт, – сказала я, указав на джинна. – Наняла его в “Робине и сыновьях”, не стучать же мне самой молотком!

Герберт прижал к лицу платок, словно от Кассиуса шел неприятный запах. Глаза его расширились, будто Герберт представил, как этот человек будет крутить ему загривок.

– Так это вы, милорд, купили этот домишко для своей леди? – поинтересовался Кассиус с самым невинным видом. Герберт закивал, и джинн удивленно добавил: – На что надо было покупать такую дрянь? Взяли бы что-то приличное, в хорошем районе.

Тут Герберт опомнился. Никакой наемный работник не смел делать ему замечания и в принципе говорить в подобном тоне.

– Закрой свой рот! – взвизгнул он. – Не твоего ума дело, что я купил! Иди и работай!

Кассиус улыбнулся так тонко, что Герберт побагровел и сжал кулаки. Я поднялась по ступенькам – крыльцо было уже новое, ни одна досочка в нем не качалась и не скрипела – и заметила:

– Я его наняла, Герберт. Мне им и командовать. Хотите, поработаем все вместе?

– И не подумаю! – Герберт чуть не лопался от гнева. – Мне? Работать? Хватит и того, что я взялся за эти щетки!

– А не хотите работать, милорд, так и занимайтесь благородными делами, – Кассиус так и лез на рожон. – И не унижайте свою леди скандалами, раз уж унизили ее такой скверной покупкой.

На мгновение мне показалось, что Герберт сейчас взорвется. Он был джентльменом, изящным и утонченным, и в его картину мира просто не укладывалось то, что кто-то из презренного народа смеет делать ему замечания. Весь его лоск, спесь и высокомерие рухнули под тяжестью ядовитого спокойствия какого-то плотника. Его лицо исказила гримаса ярости.

– Это я терплю унижения с самого утра! – воскликнул Герберт. – Таскаю эти вонючие щетки, как какой-то чернорабочий! Будь моя воля, вы бы делали ремонт собственноручно, Эмилия.

– Вашей воли тут пока нет, – напомнила я. – Я вам еще не жена.

Герберт сжал зубы в нить – нет, он точно сейчас взорвется от гнева! И мне это нравилось. Я сейчас была полна спокойного и глубокого умиротворения. Расскажу еще об этом своим приятельницам Мадлен и Кейси, весь Тонбург будет хохотать над истерикой Герберта!

– Я слишком добр, как и мой отец, – процедил Герберт. – Поговорим вечером!

И он метнулся к экипажу и рванул прочь с такой скоростью, словно за ним бежали все демоны преисподней. Когда экипаж скрылся за поворотом, я рассмеялась и сказала:

– Ловко же вы его поддели! Он будет фыркать и возмущаться еще неделю!

– Всегда рад помочь, миледи, – церемонно поклонился Кассиус. – Щетки пригодятся, весь первый этаж полон пыли и стружек.

– Поняла! – с улыбкой ответила я и взялась за дело.

***

К обеду приехал отец. Он, конечно, давал мне определенную свободу, но не мог не посмотреть на человека, которого я наняла. Кассиус теперь держался, как джентльмен: он аккуратно и быстро менял ступени лестницы на второй этаж и приветствовал моего отца низким поклоном.

Я невольно обратила внимание, что джинн поклонился не как слуга – без малейшего подобострастия, с уверенностью и силой человека, который знает себе цену. Отец, тонкий физиономист и знаток характеров, это мгновенно отметил. Его оценивающий взгляд скользнул по лицу Кассиуса и потерял часть привычной холодности. Отец всегда уважал людей, которые любили и знали свое дело, к какому бы сословию они ни принадлежали.

– Местечко, откровенно говоря, неприятное, – признался отец, снимая древесную пылинку, налипшую к его безупречной перчатке. – Эмилия, ты уверена, что хочешь продолжать пари? Как бы тут не вышло скандала!

Его голос прозвучал устало. В нем сквозила не забота, а страх перед пересудами и пятном на безупречной репутации, которую он выстраивал десятилетиями. Мне стало его жаль, но это лишь подлило масла в огонь моего упрямства.

Я хотела было ответить, но Кассиус успел раньше и произнес сдержанным глубоким тоном, который подошел бы актеру классического театра:

– Не извольте беспокоиться, милорд. Я присмотрю и за домом, и за леди. Клянусь честью, здесь не будет ни скандалов, ни беды.

Я едва не ахнула, увидев, как изменился джинн. Сейчас это был солидный и достойный господин, пусть и из простонародья. Тени легли по его лицу так, что Кассиус напоминал отца семейства. Он весь наполнился уверенностью и спокойствием, и я заметила, что мой отец вроде бы тоже успокоился. Его плечи, обычно напряженно отведенные назад, слегка опустились. Он даже кивнул, почти неосознанно, принимая этот тон как должное между равными.

– У меня две дочери, милорд, и я очень их люблю, – продолжал Кассиус. – Присмотрю за вашей так, как присматривал бы за своими.

Тут джинн позволил себе крошечную, едва заметную улыбку, которая тронула уголки его глаз, добавив лицу неожиданную теплоту.

Отец вздохнул.

– Ваши дочери тоже желают странного?

Кассиус рассмеялся.

– В основном, они желают яблочных пирогов и танцев. Китти осенью выходит замуж. Вот, зарабатываю ей на приданое побольше.

Я едва не рассмеялась – настолько вдохновенным было сейчас лицо джинна. Игра была безупречна. Кассиус даже слегка сгорбился, изобразив усталость доброго труженика, озабоченного будущим своих детей. Но отец вздохнул с облегчением и произнес:

– Вижу, вы серьезный человек. И рад, что моя дочь наняла именно вас, а не какого-нибудь забулдыгу. Сами понимаете…

И он протянул Кассиусу монету в пять крон. Когда пальцы джинна сомкнулись вокруг монеты, мне показалось, что воздух вокруг него на мгновение стал гуще, а тени дрогнули, будто от невидимого жара. Кассиус коротко поклонился, спрятал монету в карман и сказал:

– Еще раз повторю, милорд: буду смотреть за вашей девочкой в оба глаза.

И он вернулся к работе. Отец прошел по первому этажу, прислушался к скрипению досок и вздохнул:

– Кажется, Уочестеры сделали все, чтобы ты проиграла. Но, Эмилия, тебе нужен этот урок.

Он говорил уже без прежней суровости, скорее с печальной покорностью судьбе, которая, как он верил, все расставит по местам и вернет заблудшую овцу в стойло. Я улыбнулась и погладила отца по плечу.

– Всем нам нужен. Ты, например, увидишь, что талант нельзя закрывать в клетке семейной жизни.

Нет, я, конечно, собиралась выйти замуж, но замужество не было для меня самым главным достижением и самой большой победой. В мире было множество прекрасных дел, и свадьба – лишь одно из них. К тому же, я хотела видеть своим мужем единомышленника, способного широко смотреть и глубоко понимать – уж точно не болвана Герберта!

Внутри меня все кричало от возмущения при одной мысли, что мою ценность будут измерять удачной партией. Я чувствовала, как во мне зреет что-то важное и сильное, что-то, требующее не просто тихого уголка в гостиной, а простора, мастерской, собственного места под солнцем.

– Ты так уверена, что победишь? – осведомился отец.

– Уверена, – беспечно ответила я. – Вот увидишь, в мою лавку будут приезжать со всего Тонбурга!

Я мысленно уже видела эти экипажи, слышала звон колокольчика над дверью, чувствовала в руках тяжесть реторты и восхищенные взгляды тех, кто получит долгожданное зелье. Раньше это была только мечта, но теперь она готовилась стать явью.

– Что на это скажут уважаемые господа зельевары из центра?

– Что их победила женщина, разумеется, – с улыбкой сказала я. – Не волнуйся, папа, правда! Уочестеры не будут торжествовать, наоборот!

Я произнесла это с такой безрассудной уверенностью, что отец наконец рассмеялся – пусть и коротко. Он покачал головой, глядя на меня с тем выражением, которое я помнила с детства, когда объявляла, что научусь летать или выучу язык эльфов. Это была смесь восхищения моим духом и полной уверенности в моем поражении.

Но теперь, я знала, все будет иначе. Осталось не сдаваться.

***

– Вы обязательно выиграете это пари, миледи. Потому что быть женой такого слизняка…

И Кассиус развел руками, словно поражался, как кто-то в здравом уме вообще может выйти за такого человека, как Герберт Уочестер. Я вполне разделяла его удивление. Более того, я почувствовала внезапный прилив смелости от этой поддержки.

После трудов праведных мы сели за стойкой на первом этаже и обедали свежим хлебом и молоком. В пустые оконные рамы дул свежий ветер, руки и спина тяжело ныли после работы с веником, но я, кажется, еще никогда не была так счастлива.

Мне было спокойно и светло. Я наконец-то занималась делом. Жизнь казалась мне длинной дорогой, и я сделала по ней первые шаги и не собиралась останавливаться.

– Я никогда не буду его женой, – ответила я и отпила молока. – А вы очень вдохновенно врали моему отцу. Я почти поверила, что у вас две дочери, и одна собирается замуж.

Кассиус пожал плечами. Сейчас он снова выглядел молодым, почти моим ровесником. Молодым и благородным – если б Герберт увидел его сейчас, то вызвал бы на дуэль. В лучах солнца черты его лица казались не резкими, а утонченными, словно высеченными рукой античного мастера. В позе Кассиуса и спокойном взгляде была та самая врожденная аристократичность, которой тщетно пытался научиться Герберт.

– Я не врал. Когда-то у меня действительно были дочери, – сказал джинн. – Такие же огненные духи, как я, лепестки моего пламени. Звали их Наджма и Бадра, девы голодной пустыни. Они умели превращаться в смерчи, искрились золотом и лазурью, и их смех был подобен звону хрустальных колокольчиков, и ветер разносил его над барханами.

– Где же они сейчас? – спросила я, представив девушек с огненно-рыжими волосами и смелыми лицами, которые скользили над песками, не касаясь их. В моем воображении они были дикими, прекрасными и свободными, и я на мгновение позавидовала этой свободе.

– Сулейман ибн Дауд растворил их в сиянии солнца на моих глазах, – без тени горечи ответил Кассиус. – Это было так давно, что боль моя высохла и развеялась. Я не помню их лиц, только имена и то, как свет прощался с ними, поглощая не формы, а самую их суть. Это длилось целую вечность, миледи.

Я с опаской посмотрела на джинна, напомнив себе, что должна быть осторожной. Рядом со мной было существо за пределами любого понимания.

– Мне очень жаль, – сказала я. Кассиус отломил кусок хлеба.

– Здесь давно уже не о чем жалеть, миледи. Что планируете делать после обеда?

– Поеду к Зауберу, – ответила я. – Возьму каталог и потребую отгрузить все. Даже страшно представить, сколько это будет стоить Хьюго Уочестеру.

– Хитрая семейка, – усмехнулся Кассиус. – Вы уверены, что они не выбросят вас из этой лавки, когда вы добьетесь успеха? У них будет выгодное дело, созданное вашими руками, ну а вас саму нетрудно и заменить. Кто будет слушать женщину?

Я угрюмо кивнула. В замыслах таких людей, как Хьюго Уочестер, есть и двойное, и тройное дно. Он, конечно, может надеяться на то, что я сдамся, ну а если нет? Заберет у меня лавку, которая устроена моими трудами в его здании за его деньги.

Я создаю трон, на который в любую минуту усадят нового владыку.

– Играть с такими, как с шулерами, у которых в колоде двенадцать тузов, – продолжал Кассиус, и я мрачно спросила:

– И что вы предлагаете?

Кассиус отодвинул опустевший стакан и ответил:

– Одного духа вы нашли. Почему бы не найти другого? Например, старый дух этого места признает только вас. Если вас убрать из лавки, он эту лавку просто разнесет на щепочки.

Я нахмурилась. В газетах иногда писали о шумных духах, которые не давали хозяевам покоя, если в доме что-то шло не так.

– Где же мы возьмем такого духа? – спросила я, и Кассиус рассмеялся.

– Миледи, я поражен вашей наивной честностью. Мы его просто придумаем! Ломать – не строить.

Я укоризненно посмотрела на него, и джинн с улыбкой поднял руки ладонями вперед, показывая, что сдается на милость победителя. Кажется, Кассиус одобрял мою щепетильность.

– Хорошо, тогда есть еще вариант. Вы станете не просто зельеваром, а благодетельницей всей Пикколи-стрит. Простенькие бесплатные микстуры для бедняков, помощь местной церкви, а там на углу еще и приют для инвалидов, которым тоже нужны лекарства. Вы станете символом добродетели, и пусть только попробуют вас сместить! Общественное мнение станет вашим щитом, этих Уочестеров тут просто сметут.

А вот этот план мне понравился намного больше. Это не противоречило моей мечте, а наполняло ее новым смыслом.

– Есть ли там еще какой-нибудь забытый клад Сулеймана ибн Дауда? – спросила я. – Не хочу, чтоб Уочестер потом прицепился: мол, я творю хорошие дела за его деньги.

– Разумеется, есть, – ответил джинн и провел пальцами над стойкой. Тяжелые золотые кругляши застучали, падая и разбегаясь – Господи, да тут хватило бы золота, чтобы перестроить всю Пикколи-стрит!

– Что ж, тогда за дело! – довольно воскликнула я. – Сперва к Зауберу, потом в зельеварную лавку, а потом в приют инвалидов!

Глава 4

Заказав полный каталог Заубера и вытерпев немало любопытствующих взглядов в конторе, я вернулась на Пикколи-стрит и на некоторое время замерла на ступеньках приюта инвалидов.

Сюда свозили солдат, которые были тяжело ранены в колониях, и стариков, которые жили одни и не имели родни, способной о них позаботиться. Двухэтажное здание с колоннами у входа когда-то знавало лучшие времена – тогда оно было похоже на дворец или античный храм. Но те времена давно миновали – штукатурка облупилась, балконные решетки проржавели, а крышу надо было перекрыть. Над главным входом висел герб Келитанского королевства – лев, сжимающий в лапах земной шар. Но позолота с него давно слезла, и лев выглядел не гордым повелителем, а тощим и больным зверем, который с трудом удерживает свою ношу.

Пока я смотрела, на улицу вышел немолодой черноусый мужчина на костылях. Правая нога была отняла по бедро, темно-синие штаны подвернуты. Инвалид проворно скрутил папиросу, смерил меня оценивающим взглядом и осведомился:

– Это к кому ж из наших горемык такая славная барышня пожаловала?

Судя по смуглой коже, он много времени провел в колониях, и загар въелся в его плоть. По левой щеке тянулся бледный шрам – след от сабельного удара или осколка.

– К вашему главному врачу, – ответила я. – Он на месте?

Черноусый инвалид презрительно скривился.

– Где же ему быть, гадине? Сидит в кабинете, размышляет, как бы еще урезать нашу еду. Вот так, милая леди: ты воюешь за королевство, оставляешь ногу в джунглях Бандагора, а королевство в награду потчует тебя тухлой капустой, да и той не досыта.

Я, как и все столичные барышни, была очень далека от этой стороны жизни, и сейчас слова инвалида поразили меня до глубины души. В газетах с восторгом писали о наших героях, которые несли свет цивилизации пещерным дикарям, а герои, оказывается, жили в полной нищете и голоде.

Мне сразу же сделалось стыдно за свою спокойную и обеспеченную жизнь. Человек стал калекой, чтобы кресты и звезды на флаге Келитанского королевства развевались над всеми землями и морями, а я…

Весь мой бунт против Герберта и мечты о лавке вдруг показались наивной барской прихотью на фоне этой настоящей, черной бездны человеческого страдания. Я жила в мире, где самым большим несчастьем считалась неудачная партия в карты или пятно на бальном платье. А здесь люди боролись за то, чтобы просто не сгнить заживо в забвении.

– А что насчет лекарств? – спросила я, и черноусый рассмеялся.

– Имеются два! Вата и бриллиантовая зеленая мазь! Этим нас лечат и от ангины, и от геморроя, и хорошо, если сперва обрабатывают тех, кто с ангиной.

Да, дело было плохо. Очень плохо. Я подозревала, что все лекарства, порошки и зелья, которые я привезу инвалидам, просто не дойдут до них. Ушлый главврач мигом продаст их на сторону.

Мысль о том, что моя помощь может быть украдена и превращена в наживу на чужом горе, вызвала во мне такое же холодное негодование, какое я испытывала к Уочестерам. Этих паразитов, казалось, кормила сама человеческая боль.

– Вы знаете, какие лекарства нужны вам? – спросила я. – Видели выписки, назначения?

– Знаю, разумеется. Мне их выписали еще в Бандагоре. Только вы не вздумайте их сюда тащить! Лауданум тут всем нужен, да не дойдет до нас!

Лауданум, повторила я, сильное обезболивающее, которое вызывает привыкание.

– Вы что-нибудь слышали об усиленном эликсире живороста? – спросила я. – Обезболивает лучше любого лауданума!

Черноусый нахмурился.

– Зелье? – уточнил он. – Это не ваша ли лавка вон там ремонтируется?

– Верно, – с достоинством кивнула я. – Я зельевар, а это моя лавка. Хотела помочь приюту с лекарствами.

Черноусый вдруг выпрямился, насколько смог. Стал не жалким калекой, а офицером, который храбро вел полки на штурм. Плечи его расправились, взгляд, мгновение назад полный циничной усталости, прояснился и заострился. В нем проснулась воля, та самая, что вела людей в бой.

– Джереми Уилкок, к вашим услугам, – представился он. – Главврач не даст вам ходу. Разве что вы будете приходить и давать нам лекарства собственноручно, чтоб мерзавец не наложил на них лапу. Но и тут, видите ли, какое дело: место здесь гиблое. Со старого подонка станется объявить вас сумасшедшей. Кто будет раздавать лекарства за так, они денег стоят!

Я понимающе улыбнулась.

– Я искренне сочувствую вам и вашим товарищам, господин Уилкок, – призналась я, и инвалид устало качнул головой. – Хорошо, что я встретила вас и узнала, как тут идут дела. Можете мне кое в чем помочь?

Уилкок улыбнулся в ответ.

– Могу. Тут все равно нечего делать.

– Составьте потихоньку список нужных лекарств. Мой помощник заглянет к вам… ну, скажем, через два дня. А еще спросите у товарищей, кто мог бы делать простую и посильную работу? Клеить этикетки на пузырьки, собирать коробочки для лекарств… за плату, разумеется.

Глаза Джереми Уилкока наполнились энергичным блеском. Он увидел не подачку, которую нужно вымаливать у благодетеля, а возможность снова быть полезным и нужным.

– Да многие могли бы! – Уилкок вздохнул и добавил: – Я все узнаю, милая леди. Но вы лучше не появляйтесь тут одна. Мало ли, что придет в голову этой гадине?

– Договорились, – кивнула я. – Встретимся через два дня!

***

– Ничего удивительного!

Пока я ходила по делам, Кассиус успел полностью починить лестницу! Каждая ступенька была врезана в косоуры с идеальной точностью, а стыки подогнаны так, что между ними нельзя было просунуть и лезвие ножа. Тщательно отшлифованные дубовые доски источали легкий запах льняного масла. Балясины были безупречно выровнены, а поручень лежал в ладони гладкий, теплый и живой, словно кость большого животного. Мне даже захотелось подняться по лестнице босиком, чтобы почувствовать эту новую надежную красоту.

Нет, Кассиус точно использовал какие-то колдовские штучки. Так быстро это все не сделать без магии. Я рассказала ему о своем разговоре с Джереми Уилкоком, и Кассиус с философским видом заметил:

– Раз вы живете в обществе, то нельзя быть от него свободным. Ваше общество сейчас это Пикколи-стрит и ее обитатели. Если собираетесь тут работать, то придется иметь дело не только с лавкой, а со всем, что эту лавку окружает.

– Собираюсь иметь поддержку, когда Хьюго Уочестер захочет лишить меня всего, – мрачно заметила я и снова взялась за веник. Пыли и стружек собралось видимо-невидимо.

– Это правильно, – кивнул Кассиус. Теперь он взялся за рамы и подоконники и не просто вставлял их, а словно возвращал зданию его глаза. Когда Кассиус прилаживал раму к проему, то не оставалось ни единой щели. Это была работа виртуоза, и она по-настоящему завораживающе

вала.– В конце концов, там в приюте офицеры, герои войны. Вы дадите им поддержку и работу, а они прогонят Уочестеров. Все газеты будут кричать об этом!

– Осталось только разобраться, что там за главврач, – со вздохом ответила я. – Мой новый знакомый откровенно его опасается.

– А что тут разбираться? Он ворюга и алчная гадина, – припечатал Кассиус. – Присваивает пенсии несчастных, держит их в черном теле… не сместить ли нам его?

Я даже рассмеялась от такого предложения, чуть метлу не выронила. Как это вообще возможно? Это звучало так же фантастично, как сдвинуть гору. Но Кассиус произнес это с такой простой, почти бытовой интонацией, что на мгновение показалось – а почему, собственно, нет?

– Но дать инвалидам работу это хорошая идея, – одобрил джинн. – В стране песков и золота они были уважаемыми людьми, потому что делали важные вещи. Их учили шитью, кожевенному делу. Сулейман ибн Дауд, мир ему, был великим правителем.

И он одним точным ударом киянки вбил нагель в соединение, и глухой и чистый “тук” прозвучал как точка.

– Он убил ваших дочерей и пленил вас, – заметила я, возвращаясь к подметанию. – А вы говорите о нем с уважением.

– Почему бы нет? – сказал Кассиус. Он говорил о своем палаче как о достойном противнике, и в этом было странное, почти пугающее величие духа. – Он был великий человек. Жестокий, да, но великий. Другой не смог бы заточить меня в лампу. Кстати, вы видели тот дом рядом с булочной?

Я утвердительно качнула головой. Дом был большой и солидный, раньше в нем располагался филиал Первого королевского банка, но банк съехал, и окна здания были заколочены. На Пикколи-стрит будто не задерживалось ничего хорошего.

– Видела. У вас какая-то идея?

Кассиус усмехнулся. Он сейчас был похож на веселого хищника. В уголках его глаз собрались лучики морщинок, и в золотых зрачках вспыхнули веселыеискорки. Казалось, он наконец-то добрался до самой интересной части игры, где правила можно запросто взять да и нарушить.

– Все мои идеи просты, даже примитивны. Выкупаем здание банка. Поджигаем приют инвалидов.

Вот тут я уже выронила веник и замерла с возмущенным “О!” на устах. О чем он вообще говорит? Что это за глупости?

– Поджечь приют? – переспросила я. – Кассиус, вы в своем уме?

– Разумеется, – небрежно ответил Кассиус, старательно работая молотком. – Никто не пострадает, уверяю. Я повелеваю огнем, он уничтожит приют, но не людей. Потом вы как хозяйка здания гостеприимно предложите несчастным погорельцам в нем разместиться. И как хозяйка здания будете решать, кто займет место главврача!

– Да тут за версту пахнет скверными махинациями! – воскликнула я. – Все поймут, что мы подожгли здание! И присвоили себе приют, чтобы испытывать новые зелья на несчастных людях! Скажут еще, что я эксплуатирую инвалидов!

Кассиус только плечами пожал.

– Но ведь мой план хорош! Вы дадите людям стол и кров, они получат нормальное лечение, питание и уход. Вы все-таки подумайте об этом.

– Нет и нет! – я решительно взмахнула веником. – И думать не буду, и вам запрещаю. Нужен другой план.

Я полна была ярости – на Кассиуса, на себя, на этот мир, где чтобы сделать добро, нужно было сначала совершить зло.

Я не была такой. Я не хотела быть такой. И я не позволю, чтобы мое дело начиналось с пепла.

Некоторое время мы работали молча. Я вымела пыль и стружку и устало опустилась на стул. Долгий день выпил из меня все силы.

– Тогда вот вам другой план, – Кассиус сел на подоконник. – Вы привезете партию зелий для несчастных, но там будет флакон с сюрпризом. Один-единственный эликсир, который главврач обязательно заберет себе.

– Потому что там будет средство от какого-то его недуга, – догадалась я. – Осталось узнать, от какого именно.

Этот вариант выглядел, как изящная ловушка и возможность покарать негодяя – и мне он понравился намного больше.

Кассиус улыбнулся. Глаза сощурились, он сделался похож на довольного кота.

– Совершенно верно, миледи! Он выпьет зелье, и в его нутро попадет один огненный червячок. До поры, до времени он будет сидеть незаметно. Но если главврач начнет махинации с деньгами инвалидов, лекарствами и питанием, червячок превратится в огромную пылающую змею и начнет выедать его нутро!

– У вас один план удивительнее другого, Кассиус, – вздохнула я. – Но второй нравится мне намного больше. Так и поступим!

***

Через два дня мы с Кассиусом подошли к приюту для инвалидов. Джереми Уилкок уже сидел на скамейке, аккуратно поставив рядом костыли, и я заметила, что сегодня он был чисто выбрит и подстриг усы. Уилкок смерил Кассиуса оценивающим взглядом и кивнул так, словно разрешал ему находиться рядом со мной.

– Как ваши дела? – спросила я. – Как вы себя чувствуете?

Уилкок похлопал себя по бедру и ответил:

– Новая нога, к сожалению, не отросла, да и остальное без перемен. На завтрак каша с пустом, на обед капуста жареная, на ужин капуста пережаренная.

Кассиус посмотрел на меня так, словно не понимал, почему я отказалась от его первого плана.

– А список лекарств? – спросила я. – Собрали?

Уилкок осторожно вытащил свернутый листок бумаги из кармана потертого сюртука. Протянул мне – открыв его, я пробежала глазами по списку и понимающе кивнула.

Обезболивающие, противовоспалительные и средства для психического здоровья. Стандартный набор для искалеченных и несчастных. Плюс еще мази для обработки культей и средства от пролежней – простенькие, в пол-медяка ценой.

Неужели у несчастных и такую малость отбирают?

– У меня есть для вас еще одно задание, господин Уилкок, – сказала я. – Сможете узнать, какие болезни есть у главврача? Я пришлю эликсир и ему.

Уилкок усмехнулся. Ему понравилось и задание, и то, что я называла его “господин”.

– При всем уважении, барышня, вам этого я не скажу. Юные леди не должны такое слушать. Подойди сюда, парень.

Кассиус подошел ближе, наклонился, и Уилкок что-то прошептал ему на ухо. Джинн выпрямился, понимающе кивнул и сказал вслух:

– У него проблемы с потенцией и молодая жена.

Уилкок от возмущения даже рукой махнул. Схватил один из своих костылей и пнул Кассиуса по ноге.

– Ну вот что ты за человек! – возмущенно воскликнул Уилкок. – Я тебе потихоньку, чтоб юная леди не слышала. А ты на весь белый свет объявил, еще бы плакат нарисовал и выставил у фонтана!

Я со вздохом подумала, почему для юной леди нормально видеть человеческое увечье, но ненормально знать о проблемах с потенцией. А все двуличие общества!

– Она не хочет завести чичисбея, эта его молодая жена? – поинтересовался Кассиус и, покосившись в мою сторону, объяснил: – Так называют заменителя мужа, друга семьи.

К щекам прилил румянец. Мне страшно захотелось отвернуться – а вот Кассиусу, кажется, нравилось меня смущать!

– Не знаю я, чего она хочет, – угрюмо ответил Уилкок и погрозил джинну костылем. – А ты бы, парень, следил за языком. С тобой рядом не служанка, а барышня.

Уилкок сейчас держался так, словно был мне каким-нибудь дядюшкой и готовился защитить, если потребуется. Я мысленно поблагодарила его за это сердечное тепло и вынула из сумочки пузырек живороста.

– Выпейте сейчас, – приказала я. – Это обезболивающее.

Уилкок осторожно принял пузырек, открутил крышечку и выпил зелье. Несколько минут он сидел молча, вслушиваясь в себя, а потом негромко произнес:

– Знаете, к боли можно привыкнуть. Она постепенно становится как шум где-то за ухом. А сейчас, вот удивительное дело, у меня ничего не болит!

– И не вызывает привыкания, как лауданум, – довольно сообщила я. – Не превращает человека в развалину.

Уилкок с мягкой улыбкой покачал головой, соглашаясь. В это время на ступени здания вышла женщина громадного роста и такой же неохватной ширины. Форменное серое платье медсестры обтягивало ее телеса так туго, что едва не трескалось. Лицо по степени очарования можно было сравнить с собачьей мордой – крохотный нос, который тонул среди щек, и брыли сделали бы честь любому бульдогу.

– Вы гляньте на них, они уже наливают инвалиду! – пророкотала она так, что с крыши взлетели галки. – А ну проваливайте отсюда! Ходят тут всякие! Чего вам надо?

Кассиус снова мгновенно переменился. Несколько мгновений назад это был пройдошливый слуга, свой в доску парень – а теперь перед нами возник серьезный и солидный джентльмен, полный властной уверенности в себе. Такие крикливые бабы ему были на один укус.

– Главврач на месте? – спросил он так, что медсестра сделала шаг назад и принялась всеми силами придавать лицу дружелюбное выражение. – Проводите нас к нему. Немедленно.

Глава 5

Я боялась, что эта женщина пугающего вида посоветует нам проваливать подобру-поздорову – выражение лица Уилкока, напряженное и тяжелое, обещало как раз это. Но медсестра старательно улыбалась, даже склонила голову в некоем подобии поклона, и сказала:

– Прошу, господа! Как вас представить?

– Кассиус Голд и леди Эмилия Ханимун, – прежним ледяным тоном отрекомендовался Кассиус. – Если мы договоримся, это место изменится к лучшему ко всеобщей выгоде.

Слово “выгода” оказалось поистине волшебным – нас сразу же провели на второй этаж в кабинет главного врача. Пока мы поднимались по лестнице, я мрачно отметила, как сильно это место нуждается в ремонте. Стены когда-то были выкрашены в бледно-голубой цвет, но теперь краска облупилась, обнажая пятна сырости и плесени, а в углах висела густая паутина, которую, кажется, не трогали годами. Пахло затхлостью, застарелым потом и дешевым карболовым мылом – тем особенным запахом, который пропитывает все казенные дома. От него щиплет в носу и сжимается сердце.

Из коридоров доносились приглушенные звуки: чей-то надрывный старческий кашель, мерный стук костыля о каменный пол и тихое бормотание, похожее на молитву или бред. Навстречу нам попался тщедушный старик в казенной серой рубахе и таких же штанах. Он передвигал ноги с невероятным трудом, шаркая подошвами стоптанных туфель, и, увидев нас, поспешно прижался к стене, словно боялся заслонить дорогу важным господам. Его запавшие слезящиеся глаза смотрели с такой привычной покорностью, что у меня сердце защемило.

Чуть дальше, на грубо сколоченной скамье, сидел молодой еще мужчина – левая рука его была ампутирована по локоть, и пустой рукав рубахи был аккуратно подоткнут под ремень. Он смотрел в одну точку перед собой, не замечая нас, и лицо его было лицом человека, давно и безнадежно ушедшего в себя, в воспоминания о том, чего у него больше нет.

Я поймала себя на том, что мне хочется отвернуться и не видеть всего этого, но вместо этого я заставляла себя смотреть и запоминать каждую деталь, каждое изможденное лицо и нитку запаха.

Ради этого я здесь. Ради помощи всем этим несчастным.

Настоящей помощи.

Впрочем, кабинет доктора Маллагари так и сиял. На новом паркете не было ни пылинки, стены сверкали свежей краской, а мебель сошла со страниц дорогих каталогов. На стенах висели два портрета: самого доктора в парадном мундире и, разумеется, короля. Сам же доктор Маллагари напрягся, увидев нас. Поднявшись из-за стола, он вопросительно посмотрел на медсестру, и та сказала:

– Речь о всеобщей выгоде, доктор.

В глазах доктора появился масленый блеск. Это был липкий оценивающий взгляд ростовщика, почуявшего выгодное дельце.

Доктор Маллагари мгновенно переменился в лице – напряженное выражение сменилось слащавой профессиональной улыбкой, обнажившей ровные крупные зубы. Сам Маллагари был мужчиной средних лет, холеным, с залысинами на лбу и маленькими, близко посаженными глазками мышиного цвета. От него пахло дорогим одеколоном, и этот запах казался кощунственным и оскорбительным в этом приюте боли и нищеты.

Доктор предложил нам сесть и осведомился:

– Чем же я могу помочь вам, господа? Сами видите, это место переживает не лучшие времена. Государственных субсидий, увы, недостаточно, так что если ищете, где разместить вашего друга… от души советую поискать где-то еще.

– Леди Эмилия зельевар высочайшего уровня, – прежним ледяным тоном произнес Кассиус, и я невольно поежилась. Джинн одним своим видом и этой каменной непробиваемостью вгонял в дрожь. Он стоял, слегка отступив от моего кресла, и его фигура в этот момент казалась высеченной из цельной скалы. Свет падал на его лицо, высвечивая резкие благородные черты, и я вдруг поймала себя на том, что просто засмотрелась на него.

В этом образе не было ничего от прежнего веселого плотника с молотком в руках. Сейчас перед доктором стоял человек, привыкший повелевать, который видел рождение и гибель империй, заключал сделки с царями и управлял огнем. Все мы для него были лишь пылинками в бесконечном потоке времени.

– Она открывает зельеварную лавку по соседству с вами и готова оказать помощь вашим подопечным, – продолжал Кассиус. – Пациенты получат все лекарства, какие только потребуются. Совершенно бесплатно.

Доктор Маллагари изменился в лице. Видно, он представил, какие перспективы и заработки сулит наше предложение, потому что сразу же ответил:

– Такая доброта просто потрясает в наш век, и я искренне признателен за нее. Но признаюсь, леди-зельевар это что-то весьма неожиданное.

В его голосе проскользнула едва уловимая насмешка и привычное пренебрежение к женщине, которая дерзко посмела заявить о своих способностях в мужском деле. Этот тон я слышала сотни раз, и он вызывал во мне глухую ярость.

– Сомневаетесь в моих способностях? – холодно осведомилась я.

– Ни в коем случае! – воскликнул доктор, боясь, что приятные перспективы растают в воздухе. – Но хотел бы, скажем так, лично в них убедиться. У нас тут есть небольшая зельеварная лаборатория, иногда мы смешиваем самые простые лекарства. Возможно, вы могли бы продемонстрировать ваши способности?

В его глазах плясали неприятные искорки. Я поднялась с кресла, улыбнулась и кивнула.

– С удовольствием! Где лаборатория?

***

Нас с Кассиусом провели по коридору второго этажа к неприметной двери, выкрашенной белой краской. Доктор Маллагари открыл ее, и я увидела небольшую зельеварную лабораторию.

Конечно, она уступала тем лабораториям, которые были у нас в колледже. Но даже в этом скромном помещении было что-то родное, почти домашнее – знакомый запах сухих трав, меди и спирта, мерцание стекла на полках и тихий блеск старых перегонных кубов.

Вдольстен тянулись деревянные столы, исцарапанные и прожженные в нескольких местах, с вмонтированными в них горелками и системами подачи воды. Над одним из столов висела внушительная вытяжная труба, почерневшая от копоти, – значит, здесь все-таки варили что-то серьезное, пусть и довольно давно. В углу притулился высокий шкаф с мутными стеклами, за которыми угадывались ряды банок и бутылей. На отдельном столике стояли старые аптекарские весы с набором латунных гирек, и стопка керамических тиглей разного размера.

Я прошла к шкафу с ингредиентами и угрюмо убедилась, что пациентов здесь не сильно балуют лекарствами. На полках сиротливо стояли банки с самым дешевым базовым сырьем. Никаких редких экстрактов, дорогих масел и усиленных настоек. То, что я здесь увидела, годилось разве что для компрессов при легких ушибах. Для людей с ампутированными конечностями, фантомными болями и гноящимися культями это была насмешка.

Во мне снова вскипела злость, но я подавила ее усилием воли.

– Что вам составить? – спросила я, изучая этикетки. – Могу сделать живорост по методу Гримальдо.

Доктор Маллагари даже развел руками, но в его глазах снова появился блеск. Он уже подсчитывал барыши, представляя, как будет продавать на сторону мои зелья, пока инвалиды будут по-прежнему гнить заживо. Но пока мне нужно было, чтобы он клюнул.

– Вы изучали этот метод? – поинтересовался он.

– Изучала. Думаю, пяти больших мер хватит для начала. Потом я пройду по палатам и раздам его пациентам.

– Прошу! – доктор широким жестом обвел лабораторию. – Все к вашим услугам.

Я надела перчатки и тонкую шапочку, которые постоянно носила с собой. Подруги даже насмешничали: у всех девиц в сумочках духи, а у Эмилии какие-то лабораторные глупости. Вынула собственный скальпель, аккуратно положила на рабочий стол и ощутила, как по телу бежит дрожь предвкушения работы, магии рождения нового зелья.

Поехали.

Бобы живороста хранились в небольшой коробке и выглядели так, словно засохли еще до попадания в это место. Я отсчитала две дюжины, выложила их на металлическую рабочую доску и принялась аккуратно нарезать на небольшие кусочки.

Каждый боб подпрыгивал, шевелился и издавал низкое гудение. Когда на доске появилась целая гора нарезанных бобов, я сбрызнула их закрепителем, и кусочки начали обильно выделять синеватый сок.

Не такие уж вы и старые и сморщенные, ребята. Мы еще покажем этому холеному доктору, на что способны старые бобы в умелых руках.

Выставив банки, я слила туда сок и добавила несколько капель раствора гуандри. Теперь нужно было влить две большие меры воды, а потом начиналось самое интересное.

– Вы умеете работать с электричеством? – встревожился доктор Маллагари, увидев, как я нырнула под стол и вытащила связку проводов. – Если ошибетесь, тут вспыхнет все здание!

– Не вспыхнет, – ответила я задумчиво. Электричество было моей стихией – капризной, опасной, но послушной, если знаешь к ней подход. В колледже мы проводили часы, настраивая дуговые разрядники, и теперь мои руки двигались сами собой, вспоминая каждый поворот зажима. Провода нужно было подсоединить к перегонной установке – я споро и ловко загнала их в нужные гнезда и вдруг почувствовала взгляд.

Кассиус смотрел на меня с нескрываемым восторгом. Ему нравилось, что я делаю – и нравилась я сама, прямой и открытый взгляд и немного глупое выражение лица говорили об этом без слов.

Я на мгновение замерла, пойманная врасплох этим взглядом. В его золотых глазах, обычно спокойных и чуть насмешливых, сейчас горел настоящий огонь восхищения и гордости. Кассиус смотрел на меня так, будто я была самым удивительным существом на земле, творящим чудо у него на глазах. И от этого взгляда по моей коже пробежали мурашки, совсем не похожие на электрические. Щеки вспыхнули, и я поспешно отвернулась к установке, делая вид, что проверяю контакты.

По одному из проводов пробежала искра, и джинн озадаченно спросил:

– А не долбанет?

– Не должно… – ответила я, стараясь скрыть смущение, и поставила в перегонную установку первую банку.

Установка пришла в движение. Серебряные стержни опустились в жидкость, и лабораторию наполнило мерное гудение. Этот звук был подобен дыханию огромного зверя. Я смотрела, как стержни вибрируют, передавая заряд, и улыбалась.

Это был миг чистого счастья – когда ты и твое творение становитесь единым целым, когда ты чувствуешь каждую молекулу зелья и искру, проходящую сквозь него. Пошла реакция – сиреневое зелье забурлило, в нем проступили золотые искры, и оно начало терять цвет.

– Точно не долбанет? – поинтересовался Кассиус.

– Точно, точно, – ответила я и, вооружившись длинной пипеткой, ловко отправила в зелье ровно две капли настойки хонта широколистного.

Это был ключевой момент – капнешь чуть больше, и зелье превратится в яд, добавишь чуть меньше – и эффекта не будет. Банка задрожала, подпрыгнула, и стержни поднялись.

Над зельем курился дымок идеального цвета индиго. Первоклассное обезболивающее было готово.

Я обернулась к доктору Маллагари и несколько мгновений любовалась его вытянувшимся лицом. Он был ошарашен и потрясен до глубины души.

И Кассиус, честно говоря, был поражен не меньше.

– Нужно остудить, – сказала я, стараясь говорить спокойно и не пропускать в голос свое торжество. – Потом я раздам лекарство пациентам.

***

– Безумие! Подлинное безумие!

Не знаю, где были соглядатаи Герберта, но когда я вернулась домой, он ждал меня в гостиной в компании моего отца, и оба были в гневе. В воздухе висело напряжение, густое и тяжелое, как перед грозой. Казалось, еще мгновение, и разразится буря.

– Пойти в этот убогий приют! Варить там зелья! – Герберт натурально хватался за голову. – Разве это достойно леди?

Он театрально заламывал руки, но в его глазах я видела не столько искреннее возмущение, сколько страх перед тем, что его невеста ведет себя неподобающе, и это бросит тень на него и как-то запятнает безупречную репутацию. Герберта волновало не то, где я была, а как это выглядит со стороны.

Я устало сняла перчатки и опустилась в любимое кресло. Этот день меня высушил и вымотал, но я все равно была им очень довольна. Особенно мне понравилась потрясенная физиономия доктора, который понял, что женщина может быть зельеваром. И я никогда не забуду лица несчастных, которые получали лекарства и вдруг понимали, что боли больше нет.

Это было чудо, которое я создала своими руками, и никакой скандал не смог бы его отменить.

– Благотворительность? – уточнила я. – Разве не этим занимаются все девицы и дамы из достойных семей?

– Эмилия! – воскликнул отец. – Благотворительность это вязать кошельки и продавать их на вечерах денежных сборов! Но никак не идти самой в такое место!

В глазах отца я видела искреннюю тревогу, и это было труднее всего – злиться, когда он так смотрел.

– В какое именно? – уточнила я. – В дом-развалюху, в котором умирают герои? Люди, которые сражались ради нашего блага? Для того, чтобы вы курили этот табак из колоний? Несчастный офицер Уилкок оставил там ногу ради этого табака!

Отец с Гербертом переглянулись: в их глазах плескалась растерянность и непонимание. Они смотрели друг на друга так, как смотрят люди, внезапно обнаружившие, что говорят с сумасшедшей.

Они не понимали, о чем я. Для них колонии были источником дохода, табака, чая и экзотических тканей, а не местом, где гибнут люди. А я почувствовала, что начинаю злиться по-настоящему. Слишком много я увидела и сделала сегодня, чтобы просто молчать.

– Несчастным старикам не дают простейших лекарств! – продолжала я. – Калекам нечем обрабатывать культи! Главврач получает регулярные субсидии идостраивает уже второй дом! Эти люди отдали здоровье и нормальную жизнь ради того, чтобы нам жилось хорошо и сладко! А вы мне предлагаете вязать кошельки?

Я вдруг поняла, что поднялась из кресла и кричу на Герберта и отца – кричу во весь голос, выплескивая то, что собралось в душе за этот день. Мой напор испугал их – они знали, что я немного не от мира сего, раз решила стать зельеваром, но не ожидали ни такой энергии, ни таких яростных слов.

Герберт отшатнулся, будто я занесла над ним руку. Отец замер, и его лицо на миг стало растерянным, почти детским. Он не знал, что делать с дочерью, которая больше не просит, а требует и обвиняет. В гостиной повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь треском дров в камине и моим тяжелым дыханием.

Когда я поняла это, то замолчала и махнула рукой. Ярость схлынула так же внезапно, как и пришла, оставив после себя лишь пустоту и глухую тянущую усталость.

Я опустилась обратно в кресло. Говорить больше не хотелось, они все равно не поймут.Герберт открывал и закрывал рот, не в силах издать и звука, а отец спросил:

– Ведь господин Кассиус был с тобой?

– Разумеется, – ответила я. – Он помнит обещание, которое дал тебе.

Герберт сразу же ожил.

– Это тот хамоватый молодчик, которого наняла Эмилия? – быстро спросил он, и его глаза злобно засверкали.

Герберт уцепился за эту тему, как утопающий за соломинку. Наконец-то нашелся объект, на который можно направить свой гнев, не боясь показаться смешным. Я мысленно улыбнулась.

– Очень даже достойный господин, – ответил отец. – Я поговорил с ним и убедился, что на него можно положиться. Эмилия рядом с ним в безопасности.

– Он оскорблял меня! – взвизгнул Герберт. – Он говорил со мной так, как слуга не смеет говорить с джентльменом!

– Он не ваш слуга, – напомнила я, и на щеках Герберта расплылись пятна румянца. – И да, в приюте мы были вместе, он помогал раздавать лекарства.

Отец устало вздохнул.

– А если бы с тобой что-то случилось? Эмилия, это безрассудство! Вдруг кто-то напал бы на тебя там? В конце концов, это просто неприлично для молодой девушки, идти в такие места.

Я сокрушенно покачала головой. С точки зрения света отец и Герберт были правы. Барышни и дамы не должны появляться в приютах для инвалидов. Благотворительницам можно посещать больницу, но только Первую королевскую и только отделение терапии, где вид чужих культей и грязи не оскорбит благородный взор.

– То есть, отправить меня на Пикколи-стрит это нормально? А когда я иду помогать несчастным, это не нормально? – спросила я, глядя Герберту в лицо. – Кассиус прав, вы позорите свою леди таким поведением.

Некоторое время Герберт молчал. Несчастный напыщенный индюк! Но он сумел совладать с собой и отчеканил:

– Если этот Кассиус будет рядом с вами, пари расторгнуто. Лавка возвращается к нам, а я публично отказываюсь от брака с вами. Посмотрим, Эмилия, что вам важнее, ваш наемный работник или ваше достоинство!

Глава 6

Я проплакала до полуночи, потом до утра лежала, глядя в темноту и пытаясь что-то придумать, и поднялась с кровати, похожая на привидение или старую ведьму.

Как можно ставить такие условия? Нет, я понимала, что справлюсь и без Кассиуса – найму настоящего рабочего. Но сам факт того, что Герберт, еще не будучи моим мужем, вот так распоряжался мной и уже считал своей собственностью, поднимал в душе волну ярости.

Приведя себя в относительный порядок и выбрав очередное скромное платье, в котором можно работать, не переживая за ткань, я спустилась в столовую к завтраку. Отец уже сидел за столом, задумчиво погружая ложечку в яйцо всмятку, и выглядел так, словно его день начался давным-давно.

– Я ездил на Пикколи-стрит, – заявил он без приветствий. – И уволил господина Кассиуса от твоего имени.

Вздохнув, я прошла к своему месту и опустилась на стул. Чего-то в этом роде и следовало ожидать. Отец волновался за свою честь и мою репутацию – ничего нового, но мне сделалось обидно.

Почему все они считают меня не живым человеком, а какой-то куклой, которой можно распоряжаться по своему усмотрению?

– Понятно, – ответила я. Положила на тарелку ломтик подсушенного хлеба и кусочек сыра – никакого аппетита.

– И сразу же нанял его обратно от своего имени, – продолжал отец. – Он мне нравится. Он, конечно, не высокородный господин, но и в простолюдинах есть благородство и порядочность.

Тело сработало само – я еще не осознала до конца, о чем он говорит, но уже восторженно взвизгнула и бросилась отцу на шею. Он обнял меня, вздохнул и сказал:

– Уочестеры будут беситься, конечно, но мне все равно. Я-то не заключал с ними пари. Мною они не могут командовать. Так что господин Кассиус останется, и он, кстати, почти все закончил. Сказал, что надо поставить новые двери.

– Пап, – всхлипнула я. В носу щипало от тепла и нежности. – Я тебя очень люблю, ты знаешь?

– И я тебя очень люблю, девочка, – признался отец и продолжал, когда я вернулась на свое место: – Я уже привык к твоим странностям… ну и остальные пускай привыкают. Или не привыкают, на то их воля. Вчера ты меня удивила и обрадовала.

Я кивнула, понимая, о чем он. Отец всегда был добр, и чужие страдания причиняли ему боль.

– Так что доедай свой завтрак и отправляйся в лавку, – произнес отец. – Надо же утереть нос этим Уочестерам, правда?

Одним словом, я приехала на Пикколи-стрит в самом веселом расположении духа. Мир лежал передо мной, открытый для подвигов и приключений – а то, что Герберт получил щелчок по самолюбию, нравилось мне еще больше.

Кассиус действительно почти закончил! Я изумленно смотрела на отремонтированную лавку, в которой пахло свежим деревом и маслом, и не могла найти слов, кроме восторженного:

– Потрясающе!

Кассиус снисходительно улыбнулся, принимая похвалу. Я поднялась на второй этаж – лестница не скрипела, от старых досок не осталось и следа.

– Как вы все это сделали так быстро? – спросила я, вернувшись на первый этаж. – Вы же говорили про несколько недель.

– Да вот, вспомнил тут одно старое заклинание, – ответил Кассиус, открывая и закрывая дверь в маленький чулан. – Оказалось, с ним можно работать намного быстрее. Можно уже завозить мебель.

– У Заубера мне сказали, что часть привезут уже сегодня, – сказала я, ходя взад-вперед по лавке и прикидывая, где встанут первые шкафы. – Умеете собирать мебель?

Кассиус неопределенно пожал плечами.

– Никогда не пробовал, но не думаю, что это сложнее разрушения ворот Бель-Балаиб.

– Что за ворота? – поинтересовалась я.

Кассиус мечтательно улыбнулся, и его лицо словно озарило изнутри теплым светом, смягчая резкие черты.

– Это было очень давно, – мечтательно произнес джинн. – Я тогда был влюблен в дочь султана, звали ее Айлише, и султан сказал, что никогда не отдаст свое дитя порождению огня. Мой же собственный отец заявил, что не позволит мне якшаться со смертными.

Я присела на подоконник, готовясь слушать. Начало истории звучало, как восточная сказка.

– Султан спрятал Айлише в городе Бель-Балаиб, – продолжал Кассиус. – Стены его были неприступны, а в ворота вплетены чары, которые существовали на Земле еще до людей и джиннов. Восьмирукие змеелюди тогда правили на острове среди мирового океана и летали над волнами в серебряных пирамидах… – он вздохнул, и в его глазах появились лукавые искры. – Но вы понимаете, миледи, это все меня только раззадоривало.

– У вас получилось? – спросила я. Джинн кивнул.

– Разумеется, хотя я чуть не надорвался. Но ночь любви с прекрасной девой восстановила мои силы. Потом мы поженились, у нас родились дочери… но султан и мой отец так нас и не простили.

Я задумчиво смотрела на танец пылинок в солнечных лучах. У джинна была интересная жизнь, и я не знала, что именно так укололо меня в его рассказе. Все это были дела давно прошедших лет… но мне почему-то сделалось неудобно и неловко.

– Так что со сборкой шкафов я справлюсь, – заверил меня Кассиус. – Пускай привозят! А пока хотите выпечки? Я тут столковался с одной девицей в пекарне, и у нас теперь всегда будет свежий хлеб и булочки.

Я мрачно посмотрела в его сторону и ничего не сказала. Пускай сам ест хлеб от своих девиц, я прекрасно обойдусь без такого угощения. Кассиус посмотрел так, словно понял что-то, что я сама о себе пока еще не поняла, рассмеялся и, помахивая молотком, ушел на второй этаж.

***

Шкафы привезли после обеда. Белоснежные, новенькие, пахнущие предвкушением радости – какие красивые они были в каталоге и как понравились мне, когда их вносили в лавку! Я буквально не могла отвести от них глаз – ах, эти ровные линии, сияние свежего лака, изящные ручки, обещающие, что совсем скоро за стеклянными дверцами выстроятся рядами мои зелья!

Но Кассиус моей радости не разделил. Он постучал по деталям, которые надо было собирать, и скривился так, словно увидел крысу.

– Дерево дрянь, – заявил он. – Продержится лет пятьдесят, не дольше. Где его вообще раздобыли? У кого-то украли?

Он сейчас снова выглядел, как солидный джентльмен, и крепкие парни, которые привезли мебель, даже несколько стушевались.

– При всем уважении, – сказал один, – на что вам шкафы дольше пятидесяти лет службы? Их так-то обновлять надо, раз на них стоят зелья и ингредиенты! Тут капнули, тут просыпали…

Кассиус сжал губы в нить.

– Разумеется, вы так скажете, вашим хозяевам лишь бы впарить людям не пойми что, – произнес джинн. – Сколько вы заплатили за это, миледи? Никак не меньше сотни крон?

– Четыреста пятьдесят за каждый шкаф, – ответила я. – Шкафов десять. Плюс доставка.

– Грабеж средь бела дня! – презрительно бросил Кассиус. – Впаривают людям какую-то ерунду, да еще и деньги с них дерут.

– Слышь, ты бы последил за словами? – посоветовал второй доставщик, который явно обиделся за компанию, в которой работал. – Господин Заубер всему королевству мебель поставляет! В академиях его мебелью довольны, в министерстве довольны, а на Пикколи-стрит вдруг начали морду воротить.

– Ты кому сказал про морду? – с обманчивым спокойствием осведомился Кассиус, и я тотчас же воскликнула:

– Прекратите все! Кассиус, это правда, такие шкафы надо менять раз в десять лет. Это стандарты зельеварения.

– Вот! – хором воскликнули доставщики, и первый продолжал: – Миледи, раз вы в этом разбираетесь, примите уже товар, нам еще к Данделайонам ехать.

Он протянул мне папку с бумагами и карандаш. Я поставила подпись в нужной графе и она наполнилась золотым сиянием – теперь ее не удалить и не стереть.

– Данделайоны тоже что-то купили у Заубера? – спросила я. Виктор Данделайон продолжал играть в алхимика и зельевара на потеху всему Тонбургу. Отец выделил ему флигель для опытов, и там постоянно что-то взрывалось и горело. А однажды над крышей поднялась радуга из желтых и оранжевых полос, и Виктор уверовал, что теперь-то точно отыщет философский камень.

– Полная закупка! – ответил второй доставщик важно. – Там у них третьего дня сгорело все. Вот, заново обставляются.

И он посмотрел по сторонам, словно прикидывал, когда все сгорит у нас. В его взгляде читалось такое откровенное злорадное любопытство, что мне захотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым. Я вернула ему папку с бумагами, а Кассиус посмотрел так, будто жалел, что нельзя дать напутственного пинка.

Доставщики не стали задерживаться. Когда их громадная повозка упылила с Пикколи-стрит, Кассиус недовольно вздохнул и сказал:

– Ладно, начнем сборку.

– Чем помочь? – с готовностью спросила я.

– Не мешать, – откликнулся джинн, и я отошла в сторонку.

Кассиус энергично взялся за дело. Окончательно избавив будущие шкафы от упаковочной бумаги, он нашел инструкцию и погрузился в изучение деталей и сопоставление с тем, что было в наличии. Затем, вооружившись какими-то пугающими инструментами, он принялся за сборку. Стук, грохот, несколько странных слов на непонятном языке, которые явно были ругательствами – и вот Кассиус величаво показал мне на первый собранный предмет.

– Неплохо! – одобрила я. – Даже замечательно! Вот только это письменный стол, а не шкаф.

Стол и правда был неплох, вот только я его не заказывала. Кассиус выразительно завел глаза к потолку и вздохнул.

– Ладно, – сказал джинн. – Сейчас разберу и пересоберу.

– Давайте я вам все-таки помогу, – я взяла инструкцию и, пока Кассиус разбирал стол, вникала в нее.

Все выглядело просто. Сначала собирался каркас шкафа и устанавливался на нужное место. Затем в него вкручивали полки. Потом ставили стеклянные дверцы – вот они, в отдельной упаковке, в стороне.

Но я понимала – любая простота такова, пока ты не возьмешься за дело.

– Что ж, – Кассиус указал на разобранный стол. – Прошу, миледи! Командуйте и распоряжайтесь мной.

– Нам нужны вот такие детали, – я показала Кассиусу на схему. – Это для самого шкафа. Верх, низ, бока и стенка.

Джинн развел руками.

– Я так и делал. Вышло то, что вы видели.

– Как же вы разнесли ворота Бель-Балаиб… – вздохнула я. Кассиус хмыкнул.

– Вот так и разнес. За ними меня ждала прекраснейшая из женщин, у меня был стимул.

Нет, он определенно хотел меня поддеть и заставить ревновать! Внутри меня все кипело. Я представила эту девушку – гибкую, золотокожую, с длинными черными волосами, пленительную, полную страсти и нежности. А кто я? Просто девчонка из Тонбурга, которая умеет только зелья варить да спорить с отцом. Какая-то жалкая пичужка рядом с орлицей.

Невероятным усилием воли я взяла себя в руки, чтобы скрыть чувства, и непринужденно ответила:

– А здесь вас ждет та, которая освободила вас из дурацкой старой лампы. Это, я полагаю, тоже стимул. За работу!

***

Мы собирали шкафы до позднего вечера, и это было словно битва не только с мебелью, но и друг с другом. В этой битве я отчаянно пыталась сохранить лицо, а Кассиус делал все, чтобы это лицо покрывалось предательским румянцем.

– Теперь эта деталь. Вот сюда. Видите, тут специальные пазы.

– Вижу, миледи. Примерно такая же схема крепления была тогда в воротах. Но их охраняли три сотни воинов, а прекраснейшая Айлише ждала меня на вершине башни.

– Вижу, воспоминания о ней не дают вам сегодня покоя, – сказала я, стараясь говорить спокойно и небрежно. – Интересно, почему? Какие-то возмущения в атмосфере?

Кассиус усмехнулся и взялся за следующую деталь. Некоторое время мы работали молча, и я чувствовала на себе изучающий взгляд джинна – словно невидимая теплая ладонь скользила по моему телу. Он смотрел, как я вожу пальцем по схеме сборки, как хмурюсь и поправляю прядь волос, и от его взгляда по коже бежали мурашки.

– У вас очень выразительное лицо, миледи, – вдруг сказал Кассиус. – Никогда такого не видел.

– Я просто думаю, – отрезала я, не поднимая на него глаз. – И не отвлекайте меня, пожалуйста.

– А я и не отвлекаю. Я любуюсь.

От неожиданности я все-таки посмотрела на джинна – подняла голову и встретилась с ним взглядом. В его золотых глазах не было насмешки, только неожиданная пугающая нежность, и от этого мне вдруг сделалось очень неловко и как-то тесно и в платье, и в теле.

– Знаете, миледи, – Кассиус говорил задумчиво, словно сам с собой. – Айлише была непередаваемо прекрасна. У нее были темные волосы до пояса, глаза цвета меда, а кожа пахла сандалом и розами. Но она никогда не краснела! Я думаю, она просто не умела.

– Ну какая же трагедия, – фыркнула я, чувствуя, как кожу заливает жаром.

Проклятие! Снова!

– Да, – кивнул Кассиус, и его губы тронула довольная улыбка. – А вы краснеете так очаровательно. Вы словно утренняя заря над пустыней. Розовая и нежная, и золотая с каплей синего.

– Если вы немедленно не замолчите, – процедила я сквозь зубы, – я найду способ вернуть вас обратно в лампу. А потом поставлю эту лампу на самую верхнюю полку самого высокого шкафа. Или еще лучше, брошу в море, чтоб никто и никогда не нашел.

– Века бегут! – с улыбкой заметил Кассиус. – На месте морей может воздвигнуться суша. Что тогда будете делать? Бросите лампу в жерло вулкана?

– Я серьезно, – пробормотала я, но не смогла удержать улыбку.

– Я знаю. И это восхитительно.

Мы снова взялись за работу – собрали каркас очередного шкафа, установили его на место и принялись за полки. Кассиус работал быстро и ловко, но то и дело бросал на меня короткие взгляды – и каждый раз я ловила себя на том, что краснею снова.

Это было невыносимо. И в то же время сладко. Очень сладко.

– Расскажите еще что-нибудь, – попросила я, когда мы пристраивали на место третью полку. – Про пустыню. Про то, как вы жили до лампы.

– А вам правда интересно? – Кассиус прищурился.

– Иначе бы не спрашивала.

Он помолчал, подбирая слова.

– Пустыня это живое существо, миледи. Она дышит и поет, говорит со звездами, опаляет и леденит, но всегда манит. Мы, джинны, рождаемся из ее дыхания, из того огня, который плывет под песками. И никогда не бываем по-настоящему свободны, потому что пустыня всегда зовет нас обратно.

– А сейчас? – спросила я. – После стольких веков в лампе вы все еще слышите зов?

– Нет, – глухо, словно говоря с самим собой, откликнулся Кассиус. – Сейчас я слышу только вас.

Я замерла. Сердце пропустило удар, а потом понеслось вскачь, и я не знала, как остановиться и успокоиться. Воздух в лавке сделался горячим и сухим, словно его наполнило дыхание пустыни.

Пальцы Кассиуса дотронулись до моей кисти – легко, едва ощутимо. Но этого было достаточно, чтобы мир вокруг перестал существовать.

Я почувствовала жар – глубокий, проникающий под кожу, текущий по венам вместе с кровью. Он мгновенно разлился по всему телу. Моя кожа горела, и каждая клеточка тела пела и ликовала.

Я чувствовала, как от этого прикосновения исчезают все мои защитные барьеры, маски и гордость светской девушки – остаюсь только я, настоящая и беззащитная, но эта обнаженность не пугала, а окрыляла.

Мне хотелось раствориться и исчезнуть – а потом обрести себя заново в дыхании пустыни. Никогда в жизни я не испытывала ничего подобного. Ни один мужчина не касался меня и смотрел так.

Это было бесконечно страшно - и прекрасно, и безнадежно.

И в этот самый момент дверь лавки распахнулась.

– Эмилия! – раздался знакомый визгливый голос. – Я требую объяснений!

Мы отпрянули друг от друга, как ошпаренные. Кассиус мгновенно принял невозмутимый вид, а я схватила первую попавшуюся деталь и принялась разглядывать ее с таким видом, будто от этого зависела моя жизнь и честь.

На пороге стоял Герберт Уочестер. Его лицо было красным и злым, а в глазах горело такое бешенство, что мне на миг стало почти жаль его.

Пародия на мужчину, которая никогда, ни при каких обстоятельствах не станет оригиналом.

– Я все видел! – выпалил Герберт, тыча пальцем в нашу сторону. – Вы... вы тут... рука! Он касался вашей руки! Это неслыханно! Это… дуэль! Немедленно!

Глава 7

Герберт выглядел так, словно прямо сейчас готов был броситься на Кассиуса и разорвать его голыми руками. У него был настолько задиристый, поистине петушиный вид, что я не сдержалась и рассмеялась.

Светской барышне положено смеяться негромко, и смех у нее должен быть, словно колокольчик. А я хохотала на всю Пикколи-стрит, совершенно несветским манером, и никак не могла остановиться.

Герберт замер, глядя на меня почти с испугом. Он точно не ожидал, что в этой ситуации я буду смеяться – причем смеяться над ним, это он понял совершенно точно.

– Не смейте! – воскликнул он и едва не топнул ногой – она у него отчетливо дрогнула. – Эмилия! Как вы себя ведете!

– Не смейте кричать, – голосом маршала на плацу пророкотал Кассиус, и Герберт машинально сделал шажок назад.

Он тотчас же опомнился! Шагнул вперед, схватил меня за руку, дернул к себе так, что я практически влетела в его объятия.

– Прекратите смеяться! Немедленно! – сказано это было с такой злобной истеричностью, что мой смех мгновенно иссяк. Я вздохнула, дотронулась до раскрасневшегося лица и ответила:

– Герберт, опомнитесь! Это я вас спрашиваю, как вы себя ведете. Вы джентльмен и сын джентльмена, как вы можете вызывать на дуэль простолюдина? Слугу моего отца?

Герберт сопел так, что из его ноздрей едва не вырывались струйки пара, как у усатого дракона с чиньских акварелей.

– Видите, я послушно выполнила вашу просьбу, – продолжала я. – Уволила Кассиуса, но мой отец нанял его, теперь Кассиус его слуга. С чего вообще вы подняли такой крик?

Я говорила спокойно и уверенно, словно общалась с душевнобольным, и это в какой-то мере помогло.

– Он касался вашей руки!

– Естественно касался, болван вы этакий, – произнес Кассиус. – Потому что мы собираем шкаф и передаем друг другу детали. Нам следует их перекидывать, как мячик, чтобы вы были довольны?

Герберт открывал и закрывал рот, не в силах как-то уложить в голове, что это его сейчас назвали болваном.

– И вообще, это вы опозорили свою леди, – продолжал Кассиус. – Отправили ее в этот скверный район одну! Чего вы хотели, надругательства? Чтобы потом до смертного одра повторять всем, как прикрыли свадьбой ее грех, который сами и устроили?

Кассиус был абсолютно прав, и тут уж Герберт не стерпел. Сорвав с руки тонкую белую перчатку, он рванулся вперед и натурально отхлестал ею джинна по лицу.

– Дуэль! Немедленно! На улицу, вы!

Джинн поморгал, скорчил такую гримасу, словно перчатка Герберта была пропитана отнюдь не духами, и ответил:

– Извольте. Я принимаю вызов.

– Стойте! – воскликнула я, раскинув руки и встав между Кассиусом и Гербертом. – Вы не можете! Герберт, вы джентльмен, а он слуга! Вспомните о семейной чести!

Это должно было остановить Герберта, потому что в случае такой дуэли он стал бы посмешищем для всего города, совершенно разрушив бы свою репутацию. Герберт и правда замер, тяжело дыша и с нескрываемой ненавистью глядя на Кассиуса, но в это время послышался новый голос:

– Он слуга, верно, но я джентльмен. Капитан Джереми Уилкок, к вашим услугам. Я готов заменить слугу на дуэли.

Мы обернулись. Уилкок стоял, привалившись спиной к дверному косяку, и скручивал папиросу. Судя по выражению его смуглого лица, он давно был здесь и услышал весь скандал.

– Пусть отсутствие ноги вас не смущает, милорд, – продолжал Уилкок. – Я буду стрелять не из нее, а из пистолета, а стрелял я всегда метко. Впрочем, можем попробовать и сабельный бой, тут я, конечно, не так проворен по ряду причин, но руки мои крепкие, даже не сомневайтесь.

Герберт несколько мгновений смотрел то на искалеченного бедолагу, то на меня. Он оказался в той ситуации, когда любой поворот только ухудшает дело. Драться со слугой было немыслимо, драться с инвалидом тем более.

В конце концов, Герберт взял себя в руки, нервно тряхнул головой и произнес:

– Эмилия, наше пари расторгнуто. Помолвка тоже, вы можете считать себя свободной. Будьте уверены, я никому не расскажу о том, что здесь случилось. Прощайте.

Он резко развернулся и вышел из лавки. Уилкок посмотрел ему вслед и покачал головой. Кассиус вздохнул и задумчиво взглянул на шкафы, которые нам еще предстояло собрать.

– И что теперь делать с этим, миледи? – спросил он. – Лавка-то в итоге ваша или их?

– Моя, – устало ответила я. – Мне подарили ее на именины, вчера привезли подписанные документы.

– Ну а раз так, то и переживать нечего, – произнес Уилкок. – Я пришел, миледи, чтобы сказать: доктор Маллагари отправил на сторону четыре банки вашего живороста. Мы снова без обезболивающего сидим.

***

Значит, пришла пора переходить к плану Б.

Я понимающе кивнула и обернулась к Кассиусу. Тот стоял с невозмутимым видом и был очень доволен собой. Жалел, видно, только о том, что дуэль не состоялась.

– Я иду к доктору Маллагари, – сказала я. – Справляйтесь тут без меня.

– Повинуюсь, миледи, – сдержанно кивнул Кассиус и, когда я отвернулась и шагнула к выходу из лавки, негромко добавил: – Хотя мне будет очень не хватать вашего румянца.

Я хотела было резко развернуться в его сторону и сказать несколько слов, но поняла, что снова краснею, и несносный джинн именно этого и добивается.

Нет уж, обойдется.

– Миледи, не забудьте, – окликнул меня Кассиус и протянул крошечный пузырек из темного стекла. – То, о чем мы говорили.

Я кивнула, взяла пузырек, умудрившись не дотронуться до пальцев джинна и вышла из лавки. Услышала усмешку Кассиуса, мысленно сказала ему неласковое слово и направилась в сторону приюта для инвалидов. Уилкок пошагал за мной.

– Пять банок живороста, на пять дней. А сегодня нам не дали ни капли. Знаете, почему? Якобы в лабораторию забрался бродячий кот и все там перевернул. Вот скажите, что делать коту в лаборатории? Ясное дело, все зелья ушли на сторону! – возмущенно сообщил он.

Я понимающе кивнула.

– Почему в приюте нет своего зельевара? – спросила я. – Он должен быть, я точно знаю.

– Он и есть, – откликнулся Уилкок. – Эбенезер Маллагари, племянник нашего доктора. Числится, получает зарплату, в лабораторию ни разу не заглядывал.

Я снова начала злиться. Отличный план: пристроить родственника на работу в больницу, выплачивать ему деньги… Потом Эбенезер будет получать пенсию. А обитатели приюта маются от боли!

– Почему бы не нанять настоящего зельевара, раз уж доктор толкает зелья на сторону? – спросила я. – Трудились бы всей компанией для общего блага.

– Ну да, ну да, – кивнул Уилкок. – Любят друг дружку, а деньги в кружку. Вот только нет дураков среди зельеваров работать в нашей богадельне! Зельевары создают собственные лавки и работают не по чужой указке, а по своему хотению. Был у нас один юноша после колледжа, блаженный какой-то с виду. Делал лекарства и какие-то смеси на основе опиума, от них ему и конец пришел.

Я удивленно посмотрела на капитана. Тот вздохнул.

– Кровоизлияние в мозг.

– А проверки? – не отставала я. – Ведь должны же проводиться государственные инспекции! Подсчет зелий, проверка зельеварных учетных книг, закупок, документов…

Уилкок посмотрел на меня так, словно я была малое дитя, которое не понимало элементарных вещей.

– По документам, милая барышня, мы тут стейки едим и белужьей икрой сверху смазываем. И зельевар у нас есть, и все нужные лекарства. Доктор Маллагари не один же такой умный, от себя работающий. У него прикрытие до самого верха!

Мне захотелось стукнуть по чему-нибудь, да посильнее. Разочарование и злость окутали меня, словно серый саван, и больнее всего было то, что я прекрасно понимала: этого не переделать и не исправить.

Но я все-таки попробую сделать хоть что-то. Хотя бы в одном приюте.

Как говорил отец, нельзя засадить всю землю цветами, но займись хотя бы садиком за своим окном.

Когда я вошла в кабинет, то видно, выражение моего лица было очень впечатляющим, потому что доктор Маллагари поднялся с кресла с самым испуганным видом.

– Хорошо, что вы пришли, госпожа Ханимун, – произнес он. – У нас дикая катастрофа, в прямом смысле. В окно…

– Я знаю про кота, мне рассказал господин Уилкок, – ответила я. – Но ваши подопечные не должны страдать, верно? Я готова сделать десять больших мер живороста.

– О, замечательно! – воскликнул доктор Маллагари, потирая руки. В его глазах снова появился липкий блеск. – Я как раз заказал все необходимые ингредиенты и еще раз от всего сердца благодарю вас за помощь моим несчастным пациентам.

А вот и тот момент, когда надо действовать. Я улыбнулась и сказала:

– Я хотела бы помочь и вам, доктор Маллагари. Возможно, есть какое-то зелье, которое вам нужно? Лично вам?

Конечно, доктор Маллагари может купить любое средство от любого недуга – возможно, сейчас он просто улыбнется в ответ и скажет, что все в порядке.

Однако доктор вдруг сделался очень серьезным. Он посмотрел по сторонам, словно нас могли подслушать, и негромко произнес:

– Я уже убедился, что вы зельевар от Бога, госпожа Ханимун. Возможно, вы… впрочем, я…

– Не стесняйтесь и не тушуйтесь, – сказала я уверенно и спокойно. – Сейчас я не леди, а специалист. Специалисту можно сказать все, и это не нанесет вред чести и не выйдет из этих стен.

Доктор Маллагари прикрыл глаза.

– У меня dawgarius ligeres, – произнес он. – Пробовал самые разные средства, но надежды на исцеление нет.

Я понимающе качнула головой. Светские барышни при упоминании такого недуга покраснели бы и лишились чувств, но моя работа в лаборатории и, что еще важнее, успешная продажа моего живороста, показали доктору Маллагари, что я действительно знаю свое дело.

А раз так, то нечего стесняться.

– Я видела в лаборатории капли тихой смерти, – сказала я, и доктор Маллагари заметно поежился. – Если с ними правильно поработать, то скоро от вашего dawgarius ligeres и следа не останется!

***

Капли тихой смерти называются так потому, что от них действительно умирают. Две капли на стакан воды, и человек погружается в глубокий спокойный сон, из которого больше не выходит. Такие капли используют в больницах с безнадежными пациентами, чтобы прекратить их муки. Собирается консилиум, врачи обсуждают ситуацию и решают, как поступить.

Если поместить пять капель на медленный огонь, то начнется распад – выделится кевунак, который расширяет кровеносные сосуды известного органа при возбуждении.

– Вы точно справитесь? – уточнил доктор Маллагари. – Все-таки капли тихой смерти и dawgarius ligeres…

– Я справлюсь, – со спокойной сдержанностью профессионала ответила я. – Даже не сомневайтесь.

Войдя в лабораторию, я взяла с полки склянку с каплями тихой смерти, несколько пробирок и принялась за дело. Сперва надо было установить защитные стекла на рабочем месте, но их в лаборатории не оказалось. Посмотрев по сторонам, я увидела пустую коробку из плотного картона – что ж, на безрыбье и это сойдет. Разрезав ее на части, я прикрепила бывшие стенки и крышку на столе, надеясь, что этого хватит.

Ну и лаборатория! Как можно не иметь нормальных средств защиты! Впрочем, если учесть, что тут никто не работает, а сама лаборатория существует только для отвода глаз, ничего другого ожидать и не приходится.

Я зажгла горелку, отсчитала в пробирку пять капель и водрузила ее над огнем.

Интересно, расскажет ли Герберт отцу, что едва не устроил дуэль со слугой? И что скажет господин Хьюго, когда узнает, что пари и помолвка расторгнуты? Кассиус прав, они придут отбирать у меня лавку. Дареное, конечно, не дарится обратно, но Уочестеры не из тех, кто выпускает добро из рук.

И что тогда делать? У отца не будет денег на новую лавку, да и вообще он велит мне сидеть тихо, пока скандал с разрывом помолвки не уляжется. Все-таки он видит во мне не зельевара, а послушную дочь, главная обязанность которой – удачно выйти замуж…

Капли зашипели, и над ними заструился синеватый дымок. Они утратили прозрачность, наполнившись изумрудным цветом – вот он, кевунак! О том, что его можно получить вот так, мало кто знает, потому что далеко не у всех есть доступ к такому опасному зелью, как капли живой смерти.

Что ж, сегодня доктор Маллагари поладит с молодой женой. Несмотря на то, что девушкам предписывается скромность и невинность вплоть до полной глупости, я понимала, что происходит в семейной спальне. А как этого не понимать, если готовишь зелья и должна знать и способы применения, и последствия?

Когда дымок развеялся, я взяла пузырек, наполнила его водой и аккуратно перелила туда изумрудные капли. Зелье получилось отличное – у него был как раз тот цвет, который я видела на страницах учебника.

Только теперь, когда работа закончилась, я поняла, насколько мне повезло.

Капли живой смерти очень капризны. Даже когда все делаешь аккуратно и осторожно, они могут вести себя совершенно непредсказуемо. Взорваться? Легко! Осколки пробирки и плевки кевунака полетели бы во все стороны, пробивая мою импровизированную защиту.

Но ничего, обошлось. Теперь пришло время для главного ингредиента зелья.

Я осторожно вынула тщательно притертую пробку, и из пузырька с величавой неспешностью выплыла лента огня. Я отстранилась от рабочего стола и взяла одну из металлических лопаток, чтобы направить огонь, куда потребуется, если он будет своевольничать.

Но лента медленно заструилась над столом и нырнула в приготовленное зелье, словно знала, где ей место. Надо будет спросить у Кассиуса о принципах работы такого огня.

Впрочем, он наверняка сделает все, чтобы я снова покраснела. И не лень же ему!

С другой стороны, я сама виновата. Какое мне дело до тех отношений, которые были у джинна тысячи лет назад? Они теперь стали сказкой… да и что мне до самого джинна? Почему я едва не сгорела от чувств, когда он дотронулся до моей руки?

Я взяла щипцы, осторожно сняла пузырек с зельем с подставки и аккуратно покачала его, глядя на зеленую жидкость. В ней теперь сверкали искры, и зелье казалось живым.

Что ж, прекрасно! Оно навредит доктору Маллагари только если он снова начнет грабить своих несчастных подопечных. А если будет умницей, то станет вести нормальную семейную жизнь.

Я усмехнулась. Эффект от кевунака сногсшибательный – пациентам настолько хватает впечатлений, что они готовы принимать его столько, сколько потребуется. Вот доктор и посмотрит, что для него важнее: гармония в отношениях с молодой супругой или набитый карман.

Улыбнувшись, я закрутила крышечку на пузырьке, написала на этикетке дату изготовления и годовой срок годности и взялась за приготовление живороста.

Глава 8

– Неслыханно! Это просто неслыханно!

Разумеется, помолвку нельзя было разорвать просто так, да и от своей собственности господин Хьюго не хотел отказываться. Когда я вернулась домой, то обнаружила его и Герберта в гостиной. Мой несостоявшийся жених стоял у камина с видом оскорбленной невинности и крутил в руках одну из овечек.

Наверно, представлял себя жертвенным агнцем.

– Эмилия, немедленно ответь, – я никогда еще не видела отца таким суровым. – Вы действительно держались за руки?

Понятно, Герберт рассказал всем в три раза больше, чем увидел в лавке. Я прошла к нему, отобрала несчастное фарфоровое создание и вернула на место – Герберт фыркнул с нескрываемым презрением.

– Ни в коем случае, – холодно ответила я. – Клянусь честью и именем покойной матушки, что ничего подобного не было.

Этот тон я позаимствовала у отца – когда он так говорил, то все невольно замирали.

– Когда Герберт появился в лавке, я как раз передавала господину Кассиусу одну из деталей. Да, мы вдвоем собирали мебель! – сказала я, повысив голос. – Потому что вы, господа, хотели, чтобы я работала в лавке по максимуму, и я лишь исполняла ваше желание.

Господин Хьюго посмотрел на сына, и я не поняла его взгляда. Он словно укорял Герберта за что-то, что было скрыто от моего понимания, и это невольно настораживало.

– А вот Герберт как раз вел себя не так, как положено джентльмену, – продолжала я. – Он устроил безобразную истерику, вызвал на дуэль вашего, батюшка, слугу и едва не подрался с господином Уилкоком из приюта для инвалидов! Я сама бы расторгнула помолвку, если бы он не сделал этого прежде!

Кажется, про капитана Уилкока Герберт не упомянул, потому что господин Хьюго посмотрел на него с нескрываемым изумлением и злостью. Вздохнув, он посмотрел на моего отца, затем перевел взгляд на меня и произнес:

– Мы сделаем вид, что этого не было. Всему виной бокал шипучего за завтраком, поэтому не стоит воспринимать слова Герберта всерьез. Все по-прежнему, господа, не так ли?

– Разумеется, – поддержал его мой отец. Он вздохнул с облегчением: нет расторгнутой помолвки – нет проблем и ущерба репутации.

– Прекрасно, – бросила я и быстрым шагом прошла мимо Герберта к лестнице на второй этаж.

Что ж, я остаюсь его невестой. Но и зельеварная лавка у меня остается – еще бы понять, почему господин Хьюго так странно смотрел на сына, словно Герберт совершил ошибку в каком-то деле, о котором мы все и представления не имели.

Закрыв дверь своей комнаты на задвижку, я устало опустилась в кресло. Еще один долгий день, наполненный заботами и делами – и я радовалась, что он у меня был. Я наконец-то чувствовала себя не красивой куклой в гостиной, а человеком при деле.

Ничего! Мы соберем мебель и повесим красивую вывеску над дверями. Привезут основные зелья и оснащение для лаборатории, и начнется работа. Часть зелий, конечно, закупают готовыми, но основной объем я сделаю сама.

От мысли о сверкающем котле, пробирках и перегонных кубах, в которых будут готовиться зелья, стало тепло в груди. Я стану заниматься тем, что мне нравится! Делать нужные и полезные вещи для людей! А если при этом меня не захочет взять в жены юноша вроде Герберта Уочестера – что ж, это даже лучше.

И все-таки, почему они так переглядывались? Словно отказом от помолвки Герберт разрушил что-то очень важное, словно его истерика могла привести к неприятным последствиям…

Странно. Очень странно.

По подоконнику негромко постучали.

Я посмотрела в окно и на ветке старого вяза, который посадил возле дома еще мой прадед, увидела Кассиуса! Вид у него был лихой и поистине пиратский – он балансировал на одной ветви, держась за другую, и во мне что-то замерло, когда я представила, как он срывается вниз.

Я не сразу вспомнила, что с Кассиусом не случится ничего плохого, он ведь джинн!

– Миледи! – услышала я, и Кассиус энергично помахал мне. – Откройте окошко, пока я отсюда не свалился!

Ох ты!

Я быстро подбежала к окну, открыла его, и Кассиус ловко переместился на подоконник. Усевшись на него, он свесил ноги вниз, посмотрел на меня с самым невинным видом, и я невольно обрадовалась тому, что ветви вяза полностью скрывают мое окно от любопытных взоров.

Скандал бы вышел неописуемый! К Эмилии Ханимун в окошко лазает этот, как его… ах, да, чичисбей.

– Что вы тут делаете? – спросила я, чувствуя, что начинаю сердиться – но при этом мне было ужасно смешно. Кассиус развел руками и протянул мне ромашку.

– Решил узнать, все ли у вас в порядке после выступления этого вашего женишка, – ответил он. Я машинально взяла цветок – такой нежный и хрупкий, он вдруг показался мне важнее пышных розовых букетов, которые Герберт присылал по воскресеньям.

Щеки снова окрасились румянцем. Если Кассиус что-то скажет по этому поводу, честное слово, я его ударю.

– Все в порядке, – ответила я. – Спасибо за заботу, но больше не забирайтесь сюда. Не хочу, чтобы вас кто-то увидел.

– Начнутся разговоры и скандалы, – кивнул Кассиус. – Не волнуйтесь, миледи, для всех, кроме вас, я сейчас невидим.

- Смотрю, вам особенно нечем заняться? - спросила я, крутя в пальцах ромашку. - Уже заказали вывеску?

- Заказал и даже повесил, - ответил Кассиус. - По большому счету, все готово к открытию. Шкафы я собрал.

Я вспомнила, сколько их оставалось, и поинтересовалась:

- Припомнили еще одно заклинание?

Кассиус улыбнулся. Его глаза наполнял медовый свет, который делал джинна совсем юным, почти моим ровесником, и мне вдруг захотелось узнать, каким он был до заточения в лампу.

Наверняка волосы у него были длиннее - струились темными волнами по плечам и спине. И одет он был в алый жилет, расшитый золотом, и синие шаровары. И жилет наверняка не застегивал, чтобы все видели, какая у него сильная и крепкая грудь и кубики на животе.

Так. Куда-то не в ту сторону меня понесло. Порядочная и приличная девушка не должна думать о таком.

- Припомнил, да, - согласился Кассиус, и я добавила:

- Вы его и не забывали. Вам просто нравится, когда я краснею.

Кассиус улыбнулся - не обжигающей улыбкой светского соблазнителя, а спокойно и мягко.

- Очень нравится, - признался он. - Видите ли, миледи, джинны всегда говорят правду. И если я вижу красивую девушку, которая мне нравится, то я так и скажу: красивая девушка, которая мне нравится.

Ох. Разговор наш зашел в совершенно ненужную сторону. И еще понять, с чего бы вдруг Кассиус так распалился.

Я не давала ему поводов. Ничуточки.

- Что вам на самом деле нужно? - спросила я. - Давайте, скажите правду!

Кассиус вздохнул, и золото в его глазах потемнело.

- Я хочу свободы, миледи, - признался он. - Отпустите меня.

***

Что ж, это многое объясняло. Я посмотрела на Кассиуса с искренним сочувствием.

- Вы могущественное существо. И вам трудно быть в подчинении у взбалмошной девчонки, да?

- Я не считаю вас взбалмошной, - с тем же серьезным видом ответил Кассиус. - Мне нравится ваше желание идти своим путем. Ваша серьезность и забота о людях.

Он посерьезнел, и эта серьезность нравилась мне намного больше его недавнего пыла. Мне так было намного спокойнее, и ненужные мысли не лезли в голову.

- Чем бы вы занялись, если б получили свободу? - спросила я. - Джинн мечтательно улыбнулся.

- Отправился бы в пустыню, в самое ее сердце, - ответил он. - Там есть место, которое называется Глаз Бога. Когда-то там упал метеорит и все превратил в разноцветное стекло. Только оно сейчас помнит меня таким, каков я был когда-то.

Это прозвучало поэтически печально. Я представила Кассиуса в пустыне на фоне насыщенно-синего неба - он был похож на героя романтической повести.

- А потом?

- Потом я бы странствовал по миру. Изучал бы его и любовался. И обязательно писал бы вам письма, потому что вы ни за что не поехали бы со мной.

Сказано это было так, что я не выдержала и рассмеялась.

- Почему вы решили, что не поехала бы?

Кассиус пожал плечами.

- Вы работали бы в лавке. Со временем открыли бы десять таких, стали бы уважаемой зельеваршей. К тому же, вы прекрасная девушка, вам надо создать свою семью, а не странствовать со мной по белу свету.

Мне сделалось немного грустно. Кассиус был прав, и такая жизнь была единственным, чего я хотела. Но сейчас в душу вплелась нитка печали.

Я не увижу пустынь, морей и дивных заморских земель, потому что буду занята другими делами. Нужными и важными, теми, которыми всегда хотела заниматься.

- Помогите мне открыть лавку, - сказала я. - Открыть, довести до ума и хороших продаж и выиграть пари с Уочестерами. А потом можете отправляться, куда угодно. Я не собираюсь держать вас в плену, и могли бы сказать обо всем сразу, а не кокетничать со мной.

Кассиус посмотрел так, что я не поняла его взгляда.

- Ну во-первых, я не кокетничал, - сказал он. - Вы и правда нравитесь мне, Эмилия, зачем скрывать? А во-вторых, дать истинную свободу может только любящее сердце. Такова суть самой жизни.

- Знаете, что? - разозлилась я. - Идите-ка вы... обратно в лавку! И ромашку свою заберите! Это бессовестно, влюбить в себя девушку, а потом бросить!

Кассиус рассмеялся и над его головой поплыли алые огоньки. Теплый летний воздух обрел сухость далекой пустыни.

– Вы же всегда сможете поехать со мной, если вам того захочется! – произнес он, перебираясь с подоконника на ветку вяза. – Вдруг вы решите раздобыть новые ингредиенты? Например, порошок гулей для зелья невидимости. Или кровь святой Мафры для лекарства от опухолей?

Дьявольщина, он понял, как можно меня посадить на крючок! Только зельями, которых я не знала – и которые, разумеется, сразу же захотела узнать.

Зелье невидимости! Такого не было ни в одном каталоге! Если я начну его готовить, то однозначно стану лучшим зельеваром королевства! А какие перспективы тут открываются! Дать его, например, разведчикам или военным, и наша страна навсегда будет в безопасности!

– Надеюсь, вы их не выдумали прямо сейчас, эти зелья? – спросила я, и джинн посмотрел на меня с искренней обидой.

– Ни в коем случае, миледи. Все это настоящие зелья, которые изготовлял Сулейман ибн Дауд, вечный огонь в его душу.

– А рецептура? У вас есть?

Кассиус снова рассмеялся – нет, я точно его забавляла, и он просто придумал зелья, чтобы меня поддеть. У него получилось, не стоит отрицать. Я с трудом могла справиться с волнением.

– Я знаю, где ее можно отыскать! В развалинах библиотеки Сулеймана ибн Дауда! Там много было книг с разными зельями. Например, зелье умножения золота – как вам такое? Капаешь ровно семь капель на слиток, и через четверть часа у вас уже два слитка. Зелье вытягивает золото из мировых энергетических нитей и приносит вам.

– Перестаньте! – воскликнула я. – Вы все это придумываете, потому что вам нравится меня дразнить!

Кассиус улыбнулся и посмотрел на меня так, что я ощутила его взгляд, словно прикосновение руки к коже – причем, там, где я сама себя не касалась. Мне сделалось жутко неуютно, и я отступила в комнату, понимая, что от джинна мне не спрятаться даже за тысячей стен.

Он хочет свободы, а дать ее может только любящее сердце.

– Джинны никогда не врут, – совершенно серьезно произнес Кассиус. – Что ж, до встречи в лавке завтра! Приятного вечера!

Он развернулся было на ветке, встав ко мне спиной, но вдруг замер, словно охотник, который заметил дичь. Я тоже застыла, боясь спугнуть то, что заметил джинн, и Кассиус дернул рукой, подзывая меня ближе.

Я выглянула из окна и увидела, что внизу по дорожке идут Уочестеры. Герберт держался с видом оскорбленной добродетели – шагал, нарочито выпрямив спину и сопя так, что было слышно по всей улице.

– Сколько раз тебе повторять, Герберт, ты должен держать себя в руках! – негромко и очень сердито выговаривал ему отец. – Твои нервы тебя погубят!

– Но папа!

– Что “папа”? Ты ведешь себя, как истеричная баба! – господин Хьюго остановился прямо под вязом и вынул портсигар. Щелкнула зажигалка, и в свежесть летнего воздуха вплелась лента дорогого табака.

– Ну, знаешь! – Герберт сделал несколько шагов туда-сюда, потом остановился, скрестив руки на груди, и гордо вскинул голову. Я даже испугалась, что он меня заметит. – Если бы ты своими глазами увидел, как это… оно… взяло ее за руку!

Мы с Кассиусом переглянулись. “Это оно” был точно джинн, но почему Уочестеры его так назвали?

Господин Хьюго шумно вздохнул.

– Да оно может взять эту дуру и отодрать прямо на полу в лавке на твоих глазах! – проговорил он сквозь зубы. – А ты должен стоять, смотреть и не возмущаться! Потому что наша с тобой цель выше любых твоих нервов!

Я замерла, боясь дышать. Значит, цель Уочестеров была не просто в том, чтобы выиграть пари и укротить девчонку, которая слишком много возомнила о себе. Они хотели чего-то другого, и их планы явно были связаны с Кассиусом.

– Да, отец, я понимаю, – вздохнул Герберт. – Но право же, это невыносимо!

– Подумай лучше о том, что ты получишь, когда все закончится, – усмехнулся господин Хьюго. – Разве тебе не нравятся те планы, которые мы обсуждали?

– Нравятся, конечно.

– Вот и потерпи еще немного. Пусть юная девица играет в свою зельеварную лавку, пока не начались совсем другие игры.

Говорили они негромко, господин Хьюго крутил в руках маленький шарик защитного артефакта, так что Уочестеры не боялись, что их подслушают. Мы с Кассиусом снова переглянулись, а Уочестеры тем временем неспешно двинулись по дорожке к воротам. Когда они исчезли, джинн обернулся ко мне и задумчиво проговорил:

– Я так и знал, что дело тут нечисто! Получается, они знают о том, кто я на самом деле?

– Похоже на то… – пробормотала я, отступая в комнату. Кассиус перебрался с ветки на подоконник и усмехнулся.

– Слабенький артефакт у этого вашего будущего свекра. Я взломал его одним прикосновением.

– Если лавка принадлежит господину Хьюго, то он мог и лампу в нее принести, – негромко сказала я. – Подбросил мне, чтобы я освободила вас, чтобы что?

– Если вы выйдете замуж за этого белесого гриба Герберта, то я буду принадлежать и ему тоже, – заметил джинн. – И выполнять не только ваши приказы, но и его.

А ведь Герберт возмущался совершенно искренне! Ему так не нравилось, что Кассиус рядом, его до глубины души бесило все, что делал джинн! Ну, актерище, ему бы в труппу Королевского драматического.

– Но я никогда не прощу им, что они называли меня “оно” и “это”, – ухмыльнулся Кассиус. – И повиноваться им, разумеется, не буду. Но вы в самом деле нравитесь этому идиотику, раз он так взбесился, что наплевал на папашу и разорвал помолвку.

Я не знала, что на это ответить. Мне все время казалось, что Герберт больше думает о себе, чем о возможной будущей жене. О себе, правильной форме ногтей и светском этикете.

– Но зачем тогда это пари? – спросила я. – Лампу можно было мне подбросить и просто так. Герберт мог просто подарить ее, в конце концов! К чему вся эта затея с лавкой, траты и сложности?

– Если б я только знал, миледи, – вздохнул Кассиус. – Будем осторожными и попробуем со всем разобраться.

Он снова перебрался с подоконника на ветку вяза и, посмотрев на меня через плечо, добавил:

– И вы бы все-таки дали мне свободу до конца вашего пари.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.